

НАШ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ВЫПУСК

2-ГО МОСКОВСКОГО
МЕДИЦИНСКОГО
ИНСТИТУТА

1947-1953 ГОДОВ

НАШ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ВЫПУСК 2 ММИ им И.В.СТАЛИНА (ныне «МГМУ им. Н.И. ПИРОГОВА (1947-1953 года)»)

Дорогие мои! Свершилось! Мы дожили до 70-летия окончания нашего Института! Многие из нас уже перешли в мир иной – и мы обязаны по всем физическим, биологическим и психологическим законам свято выполнять заветы Булата Окуджавы для этой категории населения России: «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке»...

Наш курс 1947-1953 года был особенным. Среди собравшихся во 2 ММИ в сентябре 1947 года были те, кого вывели осиротевшими из блокадного Ленинграда, как Лиду Спорышеву, кто испытал ужас немецкой оккупации как Иван Миронов и Аня Осипова и кто прошел дорогами войны. Их было много. Это Арат Шахбазов – командир медицинского санитарного батальона, ушедший воевать еще в финскую; это Волин – механик авиационной эскадрильи; Геля Рыкунов – фронтовой шофер; Дима Тарасов и Хургин – сержанты пехоты и артиллерии; Рафик Сафаров – связист; Бурдин – командир огнеметного взвода; Ежов – танкист; Касилин – рядовой; Лисицин – военный железнодорожник; Валя Матвеев – командир стрелкового отделения; Женя Гинсбург и Иван Максимов – санинструкторы; Иван Шлыков – фельдшер батальона; Слава Козлов – офицер медицинского отряда; воин-женщина Таня Васильева, а также – Женя Корзунов, Борис Солопаев, Павел Ширинский, Дима Крылов, Колбановский, Зенин, Черенков, Еленин, Быков, Рогачевский, Семичасный, Гапонов, Фомичев, Гурба и многие другие.

Они вернулись с войны с орденами и медалями. – Как они серьезно и вдохновенно учились! Как жадно жили! Как все умели! Сколько в них было

доброжелательности к нам, «салажатам». Они всегда и во всем были флагманами – старостами, профоргами, парторгами, редакторами стенгазет. Это они задавали тон курсу и сделали его блестящим. Они научили нас труду и полной самоотдаче. Жизненные девизы этих людей – независимость и справедливость, честь и честность, бескорыстие, труд, служение людям.

Многое достигнуто нами. Многое пережито и осмыслено. Сегодняшний наш с вами разговор особый. Раньше, на предыдущих встречах, мы много с вами балагурили. Сейчас – это подведение итогов нашей жизни, взгляд в себя-прошлого и себя-настоящего, раздумья...

И что замечательно – все дают положительную оценку своей жизни, довольны своей судьбой и, если бы представилась возможность выбора, – многие решились бы повторить свой жизненный путь.

А ведь мы со всеми своими девяносто с лишком годами умудрились попасть в эпоху больших перемен – жили при разных государственных строях и правительствах, испытали тяготы страшной войны, прошли не раз через подъемы, падения и разочарования. И в итоге – мы по-серьезному, по-настоящему счастливы и горды прожитой жизнью и своим участием в ней.

Радует всеобщее жизнелюбие, стремление к единению и такое разнообразие восприятия и выражения собственного «я», такое богатство человеческих душ!

Ваши письма в последние десятилетия – философские, ироничные, прагматично-обстоятельные, романтические, с указанием времени написания в несколько часов и даже суток. А некоторые из них написаны легким пером, с молодым задором, придыханием, возгласами и тремя восклицательными знаками!!!

Я познакомлю вас с одним письмом, присланным в адрес оргкомитета *Машей Пушкарной*, которая училась с нами только на последних курсах, но душой и телом принадлежит нашей гвардии:

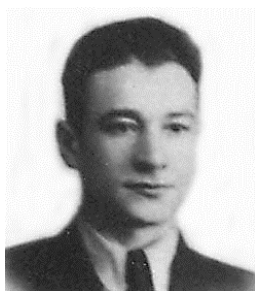

«Была Пушкарной. Потом, чтобы семью иметь, я Малышевой стала. Зовусь же постоянно Машей. Цветы люблю. Особо полевые ромашки, маки красные – как смотрятся они! На них глядела я из окон поездов, когда они меня катили по России. Москву люблю. Видала за границу. Но только сердцем я была с Москвой – я с нею и останусь. А жизнь текла, как речка, может, – как судьба. И я плыла всегда вперед. Больших свершений не пришлось достичь, но крест свой я несла терпимо, хоть был порою очень он тяжел. Кто помогал в пути? – Конечно, мама. На жизненном пути нужны друзья. Спасибо Вам за то, что ими были вы. Училась и работала в Москве. Когда промчались годы, я завершила труд свой. Что создала? – Семью. Нас всех двенадцать. Люблю писать стихи, дарю их детям. Я в жизни жизнь саму ценю и всё в ней значимым считаю, а коль мелькнет вдруг добрый миг, его за счастье почитаю. Чтоб Разум совершенствовать, родимся мы, чтоб жизнь продлить в своих потомках, и для того, чтоб Счастье испытать. Нам верить в справедливость, в конечном счете, надо. А в людях главное – должна быть совесть. А совесть – это дух, духовность».

Справедливость, совесть и духовность – это тот стержень, который держит нас всю жизнь в состоянии готовности к работе, борьбе, преодолению всех тягот и достижению целей.

Наиболее ярко эти качества были выражены **в наших сокурсниках, пришедших в институт после войны.**

Сегодня их практически уже нет среди нас, но мы помним о них. Каждую нашу встречу мы кланяемся им в пояс и благодарим судьбу за то, что мы были в начале пути вместе с ними – упрямыми, цельными, умудренными жизненным опытом, веселыми, работающими, полными жаждой познания, умеющими любить, радоваться жизни и ценить дружбу. Они были катализаторами нашего взросления и формирования из нас личностей и профессионалов.

Дима Крылов: Был призван в армию в 1939 г. с первого курса Ленинградского Политехнического института. Армейскую службу проходил в Баку в зенитном полку в качестве командира орудия. В Азербайджане, на Апшероне служил до весны 1944 г., затем воевал на 1-ом Белорусском фронте. В качестве полкового разведчика прошел путь от Днепра до Буга, участвовал в разминировании моста на немецкой территории, захвате языка, в сражении за Брест и Варшаву; в тяжелых поединках зенитчиков с фашистской авиацией на переправах наших войск через Одер. Был контужен, но вернулся в строй. Демобилизовавшись, снова стал учиться.

Валя Матвеев: Вступил в армейские ряды в Тамбове. В должности командира противотанковой пушки. Воевал на 1-ом Прибалтийском и 2-ом Белорусском фронтах. Перенес два ранения и контузию. Демобилизовался в 1944 г. Работал смотрителем по электрооборудованию и готовился в ВУЗ.

Наташа Дубровинская: Пошла добровольно на фронт. Военкомат направил ее в училище связи. После укороченного курса – отдельная рота связи, 3-ий Украинский фронт.

Геля Рыкунов: Был призван в армию в декабре 1941 г. Воевал на Центральном фронте. Совмещал три профессии – санитар автороты, шофера и киномеханика. Затем был направлен в Иркутскую кавалерийскую школу. Закончил войну в погранвойсках на Забайкальском фронте.

Женя Гинзбург – третье поколение медиков. Женя стал солдатом, когда немцы стали захватывать Кавказ. Дали тогда ребятам винтовки и патроны и скопом – без командиров, не распределенных по подразделениям, послали против немцев, которые уже вступали на танках в Краснодар. Женя воевал рядовым в пехоте. После ранений прошел курсы санинструкторов, что принесло ему звание старшего сержанта и определило дальнейший жизненный путь.

Володя Тарасов: 26 июня 1941 г., после окончания 9 класса, по путевке райкома ВЛКСМ был направлен в Мичуринское военно-инженерное училище, которое окончил через год, – и был назначен в Керчь начальником инженерной службы полка в звании старшего лейтенанта. Был ранен в голову и попал в плен. Два года находился в Бухенвальде. Освободили американцы. И, так как он хорошо знал немецкий язык его привлекли к работе с репатриантами – теми, которые возвращались домой из немецкого плена и теми, кого немцы угоняли в Германию. По окончании этой кампании демобилизовался. Год учился в 10-м классе, год работал в колхозе, затем поехал «покорять Москву». В технический ВУЗ идти побоялся из-за плена, да еще хромота после войны – и пришел к нам, во 2-ой медицинский институт. Стал хирургом.

А есть судьбы, которые повторяют историю нашей многострадальной страны:

Максимов Иван: «В 1931 г. власти решили, что для улучшения жизни крестьян сначала нужно убрать из сел и деревень куда-нибудь подальше семьи самых работающих из них – дабы они не смущали других своим трудолюбием.

Темной летней ночью к ним в семью пришли несколько дядей, вывели их на дорогу, где уже стояли телеги, посадили и повезли на ближайшую железнодорожную станцию. Их было 7 человек: отец, мать и пятеро детей. Ване было тогда 9 лет. На станции таких было много. Поместили их в товарные вагоны и повезли в Челябинскую область. Жить поместили в бараках, в которых до них находились заключенные. Отец и старший брат работали на рудниках – добывали железную руду. Так как их считали нехорошими людьми (а может, и не людьми вовсе), то снабжали продуктами кое-как и не всегда. К 1933 году положение стало совсем невыносимое. В 1934 г. от голода умерли мать и отец – им было по 55 лет, а Ване – 12. Метка сына кулака долго ходила за ним.

Уцелел от репрессий один брат из 6 детей, которого в пору высылки не было дома. Он-то и взял сирот после смерти родителей. Иван в 1937 г. стал москвичом, с отличием окончил десятилетку. С 1940 г. служил в армии в Риге, стал санинструктором. Там и встретил войну. Всю страшную зиму 1941-1942 гг. он на Северо-Западном фронте провел в землянках, не заходя в дома. С группой солдат он оказался не в своей части, а домой пришли два сообщения о его смерти – в один день, но в разных местах.

После победы над Германией год служил на Дальнем Востоке, на строительстве железной дороги пленными японцами.

Поступив в институт, подрабатывал на фабрике по изготовлению механических игрушек – раскрашивал кошек. Эти кошки вызывали хохот, а покупатели, услышав, что это животное – кошка, крутили пальцем у виска...

В аспирантуре Иван дежурил по 10 раз в месяц. Зато все его страдания окупались в дальнейшей жизни, когда он стал торакальным хирургом, научным работником, профессором в онкологическом институте им. П.А. Герцена.

Еще одна судьба – Нади Качалиной-Солдатовой. Детство на Смоленщине. Ранняя смерть матери. Осталось трое детей – 2-7 лет. Три мачехи – отцу не до детей. Немецкая оккупация. Голод, нищета. Смерть отца в 1946 г. Мечта – досыта поесть

хлеба – и абсолютное одиночество: никому до тебя нет дела, всем самим до себя – лишь бы выжить. Плюс малярия на выпускных экзаменах 10-го класса.

Старалась выбраться из «беспросвета» – школу закончила с золотой медалью.

Надя пишет: «Началась новая, главная веха в моей жизни – мой 2-ой ММИ, мои сокурсники, мои друзья по жизни, моя профессия. Желто-зеленого цвета, в очередном приступе малярии теряю сознание, но учусь. А рядом – удивительные люди, которые помогают мне обуться, одеться, подкормиться. Это – председатель профкома Митрофан Студеникин, который выделил мне ордера на пальто и обувь. Это Валя Ситникова, которая делилась со мной морковным отваром и кашей при совместном житье в Малаховке, и это – мой самый любимый и надежный друг Инна Шостак. Она впервые в жизни поздравила меня в Алексеевке с днем рождения 6 сентября 1948 г. Это было для меня потрясением. До нее никто в жизни меня с днем рождения не поздравлял. Она делилась со мной своей одеждой и присылаемыми ей из дома деньгами...

Далее жизнь складывалась из двух этапов. Первые 5 лет – Алтайский край, целина, где я была «земским врачом» в единственном числе на сельском врачебном участке. Это была наука на всю оставшуюся жизнь! Второй этап – с 1958 г. – г. Череповец Вологодской области. Работа в качестве кардиолога и функционалиста, в течение 20 лет – главный внештатный детский кардиоревматолог города. Последние 7 лет – консультант и наставник в детской городской больнице».

Бывшие пациенты дорожат мнением Нади – и не только в вопросах медицины. «Надежда Ивановна, – пишут соclubники-пенсионеры, – заслужила уважение к званию «доктор» и любовь всех соприкасающихся с ней» – и далее идут чередой подписи.

Вот вам вся жизнь – от голодной деревенской девчонки до мудрого, доброго, уважаемого и почитаемого в городе человека.

Каждая человеческая жизнь – событие вселенского масштаба.

О каждом можно писать отдельно и с восторгом:

Слава Таболин: Попытался на три года раньше нас попасть в мединститут – но тогда там не давали жилья – и он поступил в МВТУ им. Н.Э. Баумана и поселился в Лефортовском общежитии. После 3-го курса он написал заявление об отчислении, чтобы перейти в медицинский. Ректор не хотел отпускать, но когда услышал от врача по телефону, что Слава через год ослепнет, – подписал заявление. Слава был тут же и хорошо слышал то, что сказал врач. Загрустил, но потом сообразил, что обещанная слепота наступит только через год – и со всем рвением кинулся готовиться для поступления в медвуз, чтобы хотя бы этот год изучать медицину. Ни через год, ни позднее Слава не ослеп. Учился хорошо и на 3-м курсе стал Сталинским стипендиатом, был членом, а потом председателем профкома, женился по любви.

А потом в его жизнь вошла ее величество Педиатрия в лице Г. Н. Сперанского и Н. И. Осинковского. Их заветы и завещание Сперанского развивать проблему физиологии и патологии новорожденных Слава с честью выполнял все 50 лет своей врачебной и научной деятельности, живя под девизом «Живи любя, творя и

сострадаю». В 1988 г. он стал действительным членом АМН СССР, а в 1992-м – академиком Академии творчества.

Эдик Степанов: В своем жизнеописании лаконичен: «Мы 8 лет жили в Ташкенте. Голодали, продавали все, что могли. Я подторговывал подпольным мылом. Потом жизнь улучшилась – завели козу, поросенка, кроликов. Я доил козу, косил траву, кормил семью и гордился этим. Из-за любви к красивой девочке-соседке пошел в мединститут, где она уже училась. Затем переехали на Украину, и я учился в Днепропетровском меде, а потом перебрался в наш 2 ММИ им И.В. Сталина. Провел бурную молодость – 1,5 месяца отсидел в Бутырке. Ныне – хирург, дважды лауреат Государственной премии, автор 10 монографий и более 300 статей. Еще подрабатываю. На жизнь истинного демократа хватает».

Андрей Величко: Ему было 12, когда пришла война. В начале 1942 г. под поездом погибла мать. Пришлось стать самостоятельным. Андрей выполнял функции разведчика у партизан, собирал для них в лесу стрелковое оружие (имел 45 осколочных ранений). С 1943 г., когда фронт отступил, работал в пошивочной мастерской – шил головные уборы. По окончании института он – доцент «ММИ на кафедре гигиены. Изредка играет в волейбол и до сих пор любит все делать сам и ни от кого не зависеть. Он сам шьет себе одежду и ремонтирует обувь и машину. Сам строит дачу и делает себе зубы (коронки), паяет оловом, медью и серебром, владеет электро- и газовой сваркой, создает ювелирные изделия, поет себе песни и пописывает стихи и прозу – написал и опубликовал книгу о своей жизни.

Соколов Женя: Мальчик с Усачевки, из коммунальной квартиры с удобствами на дворе. В сороковых дежурил на крыше, тушил зажигалки, что и побудило пойти в Электромеханический техникум на Малой Пироговке. А далее было несколько крутых поворотов судьбы: сменил технические дисциплины на медицину. Хотел пойти на кафедру философии и истории КПСС, но его отговорила мудрая женщина – заведующая кафедрой, объяснив ему, что идеологическое лечение душ – вещь переменная, а доктор вечен. Затем была кафедра истории медицины у профессора М. П. Мультиановского. Удовлетворения снова не было. Сердце успокоилось терапией. Трагическая гибель трех студентов на сельскохозяйственных работах, за организацию которых по поручению райкома отвечал Женя, послужила причиной его увольнения из 2 ММИ. Снова крутой поворот – и он в институте медико-биологических проблем. Работа по отбору космонавтов, общение с интереснейшими людьми, командировки в центр управления полетами. Потом при активном участии Капы Лакина – переход на заведование кафедрой внутренних болезней в Стоматологический институт. Затем там же – проректор по учебной работе, а с 1982 г. – ректор до 2002 г. Подводя итог, Женя пишет: «Моя жизнь – цепь иллюзий, которые всю жизнь приходилось преодолевать. Мало выигрывал от везения, больше давалось трудом».

По молодости лет многие наши сокурсники непосредственно в ратном деле не участвовали, но «горячими делами» занимались.

Так, *Саша Полонский* руководил двумя медицинскими подразделениями на испытаниях советской атомной бомбы.

Инна Шостак возглавляла бригаду педиатров, оказывавших помощь детям на территориях Белоруссии, Украины и России, пострадавших вследствие аварии на Чернобыльской атомной электростанции и изучала вместе с генетиками воздействие радиации на мать и ребенка.

Мы спросили бывших сокурсников, как они пришли в медицину и в нашу *Alma mater*, в частности. Ответы оказались интересными, а порой и неожиданными:

Соловьев Юра: Стал студентом-медиком спонтанно. Он хотел поступить туда, где нет математики. Пошел сначала в 1-ый медицинский – а там приемная комиссия располагалась в анатомичке. Двор узкий, темный, в помещении воняет формалином – не понравилось. Поехал на Малую Пироговку. День солнечный, студенты и абитуриенты играют во дворе в футбол. Погонял с ними – и сдал документы. «Но Бог не фраер, – пишет Юра, – я стал патологоанатомом и всю жизнь нюхаю формалин».

Арсеньева Женья: Медичкой стала потому, что думала вылечить всех больных людей.

Максимов Ваня: Родился и вырос в деревне, думал о поступлении в сельскохозяйственную академию, но, побыв санинструктором, повидав раненых, заколебался. Как быть? Была не была! Взял пятак, крутанул... «Орел» – медицина.

Корогодская Рая: С 5 лет мечтала последовательно быть дворником, балериной и врачом. Таскала в карманах трусиков лягушек, ящериц и мышат. Дворником и балериной стать не смогла, а в медицинский поступила...

Абрамова Лиза: Студенткой нашего института стала совсем случайно. В их роду не было медиков – все технари. Когда настала пора поступать в институт, она пришла в приемную комиссию химико-технологического, что на Малой Пироговке. Ее хорошо встретили и обещали не только поступление, но и общежитие, и аспирантуру. Потом она зашла в приемную комиссию 2-го Медицинского института. С ней даже разговаривать не хотели, но предупредили, что поступить очень трудно, нереально, разве только попробовать на педиатрический факультет – и то без общежития. Она

подала заявление. Сдала экзамены. Была принята и окончила институт с красным дипломом.

Автандил Чоговадзе в ранней юности хотел стать летчиком. С 9-го класса мечтал о профессии инженера-летчика-испытателя. Зачитывался книгами об авиации. В 14 лет стал парашютистом-десантником, а в 16, окончив в Гаграх школу Осоавиахима, – пилотом-планеристом-буксировщиком. Но его весьма скромные «успехи» по математике и черчению в школе дали козырь родителям, чтобы склонить его к медицине – они мечтали видеть Авто врачом, что и случилось.

Машенджинова Алла: Попала в институт под мощным давлением родителей-врачей. Училась, мечтая лишь о том, как по окончании будет поступать в МГУ на искусствоведение. И все это – до последнего цикла 5-го курса (весна 1953 г.), а цикл назывался «психиатрия». И все сошлось! И если бы начинать все с начала, то надо ждать последнего цикла последнего года обучения.

Парицкая Люба: О том, чтобы учиться в Москве, мечтала с детства. В своих детских мечтах она хотела быть или врачом, или летчицей. С возрастом, рассуждая более трезво, утвердилась в мысли, что нет никакой более благородной специальности, чем медицина. К этому времени она уже прочла «Записки врача» В.В. Вересаева, прониклась состраданием и желанием помочь таким детям, как ее одноклассница – девочка с удивительными красивыми зелеными грустными глазами. Она ходила с костылями после перенесенного полиомиелита. Люба помнила свою первую учительницу, которую ей хотелось вылечить (та ступала, переваливаясь, как утка, – и Любе было очень жаль ее). Был еще сын учительницы литературы, который страдал туберкулезом позвоночника и в летние дни лежал на улице под деревом в гипсовой кровати... Так постепенно сформировалась мысль о медицинском институте.

По справочнику для поступающих в ВУЗы Люба выяснила, что в Москве есть три мединститута – 1-ый, 2-ой и 3-ий. Она выбрала 2 ММИ. Логика была убийственной: в первый попасть будет трудно, т.к., наверное, в него принимают только москвичей. В третий поступать не хочется – ведь не зря он третий, что она – хуже всех? А вот второй – то, что надо – золотая середина. Точно по той же логике был избран педиатрический факультет: «взрослые такие грубые и заболевания у них бывают разные, в т.ч. и нехорошие, а дети такие милые, маленькие, беззащитные – их так жалко! Пойду на педиатрический!»

Трое наших сокурсников (из числа приславших письма – в том числе *Нета Бабаева* и *Андрей Величко*) пошли во врачи потому, что врачебная специальность дает возможность работать в любых условиях и при любых обстоятельствах – даже в концлагерях!

Вита Чертулова: Подала документы во 2 МГМИ потому, что при нем было общежитие. Информации не имела никакой. Выехала из дома без вызова, т.к. ехать надо было долго: 1,5 суток паромом по Каме до г. Перми и оттуда 3 суток до Москвы на полутоварном поезде. Тогда, в 1947 г., это казалось нормой. Чуть живая добралась первого августа до здания института, а на экзамены ее не пустили, т.к. у неё не было экзаменационного листа. Пошла в деканат, получила разрешение на сдачу экзаменов во 2-м потоке и сидела у двери аудитории, боясь не попасть на сочинение. В таком полушоковом состоянии сдавала экзамены: 4-5-5. А ведь приехала из далекого уральского поселка...

Врачебное призвание. Врачебные династии. И в медицину наши люди пришли не случайно: одни были ранены и познали на себе благородную и гуманную работу врача; другие испытали все беды войны, стремились стать ближе людям, попавшим в беду, уметь помочь им. Так Женя Арсеньева все детство наблюдала страдания своего отца, отравленного хлором еще в первую империалистическую войну. Автандил Чоговадзе мальчишкой шествовал со школой над госпиталем, куда стекались раненные под Туапсе. Новороссийском, Керчью и Севастополем. Вся семья Ани Осиповой за связь матери с партизанами была арестована немцами. Она испытала все, что можно было испытать в застенках гестапо. Была освобождена, но медленно угасала от сепсиса в партизанском отряде. Ее спасли сульфидин и стрептоцид с Большой земли и забота партизанских медиков. Им она обязана жизнью, верой и любовью к медицине.

Для многих из нас врачебная профессия – это продолжение дела родных, как у Шадриной, Нины Рабухиной, Инны Шостак, Аллы Машенджиновой, Регины Иткиной, Жени Гинзбурга, Гели Рыкунова, Гали Шикуновой, Неты Бабаевой, Владимира Галыховского. Для иных – начало, достойный пример для своих детей и внуков, как у Автандила Чоговадзе, Славы Таболина, Риты Лачиновой, Кати Зоркиной, Паши Шастина, Пистолькоре, Володи Тарасова, Лизы Абрамовой, Фиры Гехт, Коли Туморина, Виты Чертуловой.

Верно пишет *Нина Леонтьева*: «это большая радость – выбрать профессию по душе и на 10-ом десятке жизни чувствовать, что ты был призван судьбой стать врачом и остался им (не имеет значения, работаешь ты или нет). Это – особенность склада души, разума, сердца.

Бабушка Нины – фельдшер еще в XIX веке, отец – доктор милостью Божьей. Он говорил ей: «Доченька, не ходи в доктора. Это очень трудная профессия. Но если ты будешь врачом, – то все свои медицинские книги я тебе отдам». Она сознательно, от души продолжила врачебную династию. Дочь и внук Нины продолжают ее. Правнук уже знает многое об аллергии и микробах, пользе зеленки и объясняет это дачникам с большим убеждением, чем вызывает умиление у взрослых, а больше всего, – у прабабки.

Потомственные врачи в четвертом поколении *Майя Рохлина* и *Нета Бабаева*, а их дети – в пятом. Семья *Коли Туморина* (он сам, жена, дети, внуки) занесены в книгу «Династии врачей г. Омска»

Шевелева Нина пишет: «Я в своей работе придерживалась правила, провозглашенного В.М. Бехтеревым: «Если больному после разговора с врачом не стало легче, это – не врач», а совсем недавно услышала еще: «Иногда – лечить, часто – приносить облегчение; всегда – успокаивать». –
Правда, хорошо сказано?!»

ЮНОСТЬ НАШЕГО ВОЕННО-ПОСЛЕВОЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ БЫЛА ПРЕКРАСНА. Она одарила нас радостью мира и друзьями, профессией, любовью и небывалой жадной деятельностью и созидания.

Какие бури шумели над нашими головами – революция в языкознании, лысенковские откровения о законах природы, «разоблачение» врачей-отравителей, смерть вождя в марте 1953 года – перед самым нашим выпуском...

В чем-то мы были созерцателями (читали газеты, изучали «революционные» произведения и теоретические основы марксизма-ленинизма) в чем-то непосредственными участниками (теория «воспитания растений» и отрицание генетики, к которой мы только-только прикоснулись нашими умами. Пытались ржавым тупым ножом пройти по нашему сознанию, а прошли по нашим душам) – и тем полем, на котором разворачивалась битва. И мы стали в той битве воинами, которые бросились грудью защищать правое дело: мы отвергали вновь присланных нам профессоров взамен низвергнутых, которых мы успели полюбить.

Леонид Яковлевич Бляхер не признавал новоявленной теории, не отрекся от генетики и ушел с кафедры биологии 2ММИ с гордо поднятой головой...- Шуметь мы шумели, но остались обездоленными – лишенными оттачиваемого генетикой каузального мышления...

А Бляхера мы тогда особенно зауважали: в то непростое и в чем-то даже страшное время он преподавал нам урок научной честности и стойкости человеческого духа. И когда тридцать лет спустя он пришел к нам на очередную встречу бывших студентов, а ныне почти сплошь профессоров, докторов наук, академиков и ведущих специалистов – мы приветствовали его стоя и устроили ему бурную овацию.

Маленький, худенький, с поседевшей бородкой клинышком, в скромном костюме не очень процветающего человека, с ослабевшими ногами, он стоял, опираясь на палочку, а мы рукоплескали! Не было сказано никаких слов, но каждый понимал, за что мы так чтим этого человека. Думаю, что он тоже понимал, но стоял скромно, молча вглядываясь в лица своих бывших учеников – студентов 1947-1953 гг...

Наши студенческие годы... Лекции, семинары, коллоквиумы, практика у анатомических столов и в химических лабораториях, за микроскопами с карандашами в руках на гистологии, в пропедевтических и госпитальных клиниках, в далеких тверских деревеньках на летней врачебной практике с Герасимом Борисовичем Гецовым – все это было, было, было...Было дружное братство в наших общежитиях – сначала в подмосковной Малаховке, а затем в Алексеевском студгородке возле ВДНХ, на Якиманке и в Охотном ряду... Были выезды на картошку, завтраки бутербродами, групповые фотоснимки, у

прозекторских столов, первый халат, первый больной, первый самостоятельно выполненный укол и первый скальпель в руке...

Мы слушали с открытыми ртами профессора Элиазара Марковича Гельштейна; ходили толпой за Евгением Николаевичем Мешалкиным, делающим в то время свои первые операции на сердце и с удовольствием разыгрывали друг друга.

Именно благодаря Институту, Преподавателям и Студенческому Братству всепроникающая любовь к профессии для многих из нас стала главным содержанием жизни.

А сколько прекрасных семейных пар сформировалось на нашем курсе за 6 лет совместного проживания в студенческих общежитиях, на лекциях и во время студенческой практики!

Дмитриев и Герасимова,
Капулер Ганнушкина,
Немсадзе и Алмазова,
Корзунов и Самарина,
Охотский и Готье,
Двойрин и Волкова,
Микаэлян и Шердукалова,
Монахов и Саутина,
Соловьев и Арсеньева,
Козлов и Коркина,
Колбановский и Хотилина,
Каулен и Лозинская,
Гринберг и Федотова
Матвеев и Рымашевская,
Урбанович и Шевченко
Фурштейн и Зуева,
Шульман-Сатир и Левина.
Рубашов и Корогодская ...

Наши выпускники – народ скромный, хотя многие из них занимали ведущие места в научных институтах и на кафедрах, в ВУЗах, больницах, лабораториях и в управлении здравоохранением.

Однако **тенденция «быть передовым» была присуща каждому из нас.**

Иван Максимов был среди первых в нашей стране по внедрению в клиническую работу реконструктивно-пластических операций на бронхах и трахее при раке.

Александр Полонский создал новый метод лечения – магнитно-лазерную терапию, признанную в мировой практике. Он имеет более 20 авторских свидетельств и патентов, свыше 300 статей и 12 монографий; создал школу медиков-лазерологов.

Борис Спивак – научный руководитель отдела медицинских проблем протезирования и ортезирования одноименного Центра. Он – автор 34 авторских свидетельств и патентов на изобретения и 41 усовершенствования.

Геля Рыкунов впервые внедрил в России музыку как фактор благоприятного воздействия на женский и плодовый организм во время беременности и родов.

Владимир Голяховский – автор 18 патентов на новые операции в России, Америке и других странах. Наш Володя – хирург, писатель и художник. Он покориł Нью-Йорк и стал чуть ли ни единственным, кто не только подтвердил за рубежом свое звание врача, но и заработал звание профессора и академика.

Есть ряд изобретений у терапевта Евгения Соколова, Автандила Чоговадзе и других. К сожалению, в наш век стремительного прогресса медицинской техники новые лечебные методики и программы диагностики быстро устаревают. Так, *Ниной Леонтьевой* с сотрудниками в 1960-х годах была создана уникальная система гелиокислородных ингаляций. Тогда этот прогрессивный и эффективный метод был доступен только специализированным кардиохирургическим и нейрохирургическим клиникам, а сейчас для этих нужд широко используют привычную искусственную вентиляцию легких (ИВЛ).

Витя Зуев последние годы занимается совершенно новой проблемой, которая, казалось бы, не имеет ничего общего с медленными инфекциями, которым он посвятил 30 лет своей жизни. Это проблема – механизм старения и смерти. Обнаружено вещество старения. Более того, Витя научился определять его уровень в крови (этот метод, понятно, запатентовали).

В шутильной стихотворной форме Витя предлагает нам всем: «Ну, продержитесь только год – И мы отыщем антидот!!!» Работая против старости, Витя не только сохранил до сих пор разум и способность двигаться, но и продолжает (практически единственный из всего курса) официально трудиться в НИИ эпидемиологии и микробиологии им. Н. Ф. Гамалеи МЗ РФ в должности руководителя лаборатории.

Наши профессора и доценты создавали кафедры и трудились на них в Москве и Воронеже, Рязани и Оренбурге, Омске и Санкт-Петербурге, читали курсы лекций в Гвинее, на Кубе, в Германии, Лаосе, Монголии.

Десять наших сокурсников по сумме своих научных достижений взлетели до высшего звания **академиков**. Вот их имена:

Комаров Борис Дмитриевич	Хирург	Создатель и директор Института скорой помощи
Краснов Михаил Михайлович	офтальмолог	Директор института глазных болезней
Клименко Сергей Михайлович	Вирусолог	Заместитель директора по научной работе ГУ НИИ вирусологии имени Д. И. Ивановского
Каулен Дмитрий Романович	Иммунолог	Зам. Директора Института эпидемиологии и микробиологии им. Н. Ф. Гамалея.
Ганушкина Ирина Дмитриевна	Патофизиолог	Заведующая лабораторией Института мозга
Лакин Капитон Михайлович	Фармаколог	Ректор и зав. кафедрой фармакологии Московского медико-стоматологического института
Микаелян Александр Львович	Хирург	Директор Института в Ереване
Панченко Леонид Федорович	Биохимик	Руководитель лаборатории биохимии НИИ общей патологии и патофизиологии РАМН
Рябов Геннадий Алексеевич	Реаниматолог	Зав. клиникой анестезиологии и реаниматологии, главный анестезиолог-реаниматолог Четвертого главного управления
Соколов Евгений Иванович	Терапевт	Директор медико-стоматологического университета им. А. И. Евдокимова
Сидоренко Геннадий Иванович	Гигиенист	Директор НИИ общей гигиены им. А. Н. Сысина
Соловьев Юрий Николаевич	Патоморфолог	Зав. лабораторией онкоинститута им. Н. Н. Блохина
Таболин Вячеслав Александрович	Педиатр	Зав. кафедрой госпитальной педиатрии 2-го МГМУ им. Н. И. Пирогова
Голяховский Владимир Юльевич	Хирург-ортопед	Зав. кафедрой в Нью-Йорке

Не менее значимы **достижения наших сокурсников в деле практического врачевания** – Риты Лачиновой – главного врача больницы на станции Узловая под Тулой; Рубашова Миши – главного врача одной из Московских психиатрических больниц; бессменного главного врача Вали Михалюка; Петрушкиной Розы – врача-инфекциониста в Тирасполе; Шадриной Лены – цехового терапевта:

и целой плеяды участковых педиатров, а также – школьных и семейных врачей: Иветты Кошелевой, Кати Зоркиной, Гали Грибановой, Фиры Гехт, Нины Левашовой, и Нины Усачевой:

Красочно описывает свой труд на ниве врачевания *Тома Михайлова*. После окончания института ее направили в латвийскую глубинку, где никогда не было врача-педиатра. Встретили холодно. Никто не хотел говорить по-русски. Но ничего, выдержала. Научилась говорить на их языке – полюбили. Потом – целина. Работала педиатром, заодно терапевтом и гинекологом. В то время в Казахстане свирепствовала корь. Местное население прятало от врачей больных детей. Казашки рожали в подвешенном за руки положении. Пришлось много поработать и «мотаться» по аулам, чтобы спасти детей и женщин. Украина. Полно вирусных пневмоний. Снова поездки по селам. Сутки за сутками у постели тяжелобольных детей...

Как ни странно, – не вполне довольными оказались своей судьбой некоторые главврачи. Так Рената Дуцман – главврач в Литве – считает, что главврачам интеллект не нужен. Наоборот, он притупляет. Вера Сахорова-Цетельман считает, что будущих главврачей надо принимать сразу на третий курс, а с четвертого переводить их на финансово-экономическое отделение. Семен Милушкин – главврач Можайской районной больницы пишет: мне в институте говорили – учись хорошо и станешь врачом, а будешь учиться плохо – станешь главврачом. И все же Семен – единственный из нас, получивший за свою работу орден Ленина.

Ещё одной разновидностью работы наших выпускников является организаторская деятельность. Её яркий представитель – пришедший в институт с войны *Паша Ширинский*. Таболин вспоминает, как на первом курсе Паша заявил: «Пусть эти девчонки зовут нас по имени и отчеству» – и стал он с тех пор для всех Пал Палычем. Но он не подвержен откровениям и, хотя приходит регулярно на встречи, ни разу тайны своей жизни и профессии не раскрыл.

Зато *Галя Шикунова* с удовольствием и обстоятельно расписала свою жизнь в отделе организационной и санитарно-оздоровительной работы в Центральном Комитете общества Красного Креста России. С её слов, главный интерес был в командировках – на самолетах, поездах, машинах... Нигде у нее ни сон, ни стул (как у многих других) не нарушался. – Вот ее и посылали повсюду. Она спускалась в угольные шахты Кузбасса, была в мартеновских цехах, на Красноярской и Саяно-Шушенской ГЭС, на Енисее, Амуре, Байкале – в рыбных, молочных и фарфоровых заводах, мебельных и кондитерских фабриках, товарных фермах и оленеводческих совхозах, на ФАПах и ЦРБ... И судьба вознаградила её за такую активность: в одной из поездок по Волге она познакомилась с народным артистом России пианистом Давидом Лернером, – и в 1995 г. эта молодая пара (ей 66, а ему в ту пору было 86 лет) стала путешествовать вдвоем по Москве начала новую жизнь. Теперь они путешествуют вдвоем по Москве и давать бесплатные концерты тем, кто еще любит и хочет слушать классическую музыку. Муж играл, а Галя выступала перед началом концерта как искусствовед. На одной из наших встреч эта пара красиво танцевала, когда ему исполнилось сто лет...

Множество наград имеют наши сокурсники. Если их все сложить, то получится такое обилие их, которое не снилось даже Л.И. Брежневу (да и где взять такую гигантскую грудь?). Есть среди них ордена за заслуги перед отечеством – у *Жени Соколова*, *Бори Спивака* и *Славы Таболина*; медаль комитета советских женщин у *Веры Архиреевой*; почетная Грамота Министерства путей сообщения у *Окуновой*; медаль за заслуги перед отечественным здравоохранением и Почетная грамота Министерства внешних сношений у *Инны Шостак*. И еще много неучтенных нами...

А *Соловьев Юра* умудрился дважды получить «Отличника здравоохранения».

Хирург-ортопед *Спивак Боря* и педиатр *Таболин Слава* награждены Патриархом всея Руси и Российским детским Фондом Орденом святого Димитрия за особые заслуги в попечении о детях, нуждающихся, сирых и больных, за дела милосердия. *Полонский Саша* имеет Серебряную медаль Петра Великого, Медаль И. П. Павлова, Золотую медаль А. Л. Чижевского; *Бабаева Нета* – 5 Серебряных медалей (среди них – И. П. Павлова, И. И. Мечникова, П. Л. Капицы, П. Эрлиха), а

Валя Михалюк за 50 лет работы главным врачом один раз получил благодарность Министра и 52 выговора. Их копии он с гордостью показывает внуку.

Но самые лучшие полученные нами награды – счастливые глаза наших пациентов, детей и их родителей. *Эдик Эштейн* до сих пор хранит цветы, нарисованные девушкой, которую он оперировал впервые в жизни на 4-м курсе по поводу аппендицита.

Прожив немалую жизнь в быту, в трудах научных и лечебных, с высот своего «взросления» **наши ребята попытались ответить на извечный вопрос «В чем смысл жизни?»**

Рабухина Нина считает, что «смысл жизни, не ясен никому, но, наверное, – честно жить и делать свое дело»; *Петрушкина Роза* уточняет: «Смысл жизни простой: принеси в этот мир по возможности добро и красоту».

Спивак Боря считает самым дорогим – чувство радости, которое испытываешь, когда ребенок с выраженной патологией начинает сам ходить, обслуживать себя, а его улыбка и светящиеся счастьем глаза бесценны. «В этом, мне кажется, – пишет он, – и заключается основной смысл жизни: трудись и делай добро людям, не считаясь со своими физическими и психическими затратами. Тогда и люди будут добры к тебе».

Гринио Леонора раньше ценила в людях ум, но убедилась, что чаще всего он бывает злой. Теперь она больше всего ценит в людях «доброту, которую сейчас называют глупостью».

Соловьев Юра, достигнув старческого возраста, понял, что не надо суетиться, унывать и прыгать через лужи. Их следует обходить мелким шагом. А главное в людях – любовь.

Агроник Семён видит смысл жизни в том, что ее получают свыше, но какой она будет, – в большой степени зависит от самого человека. А верить и надеяться надо на то, что люди не доведут нашу, пока еще не совсем истерзанную и загрязненную землю до самоуничтожения. Главное в людях – это желание и умение бережно и заботливо относиться к себе подобным. Важны доброта, уважение, любовь, взаимопонимание и благородство, сила и мужество, интеллект и высокая работоспособность. Все это делает жизнь в своей семье и окружающем мире лучше и интереснее, безопаснее и спокойнее. В равной степени это относится как к женщинам, так и к мужчинам.

Рядом с вопросом вопросов о смысле жизни стоит вопрос о вере. Во что верим мы? И во что надо верить человеку? *Парицкая Люба* убеждена, что верить надо в то, что добра на земле больше, чем зла. Иначе трудно и страшно жить. *Рита Слободкина* еще более категорична: «Верить надо в любовь. Это ценное качество – уметь любить. Любовь движет нами». *Нина Шевелева* верит в труд как избавление от всех невзгод: «Я – типичный трудоголик, – говорит она, – и когда

бывают в жизни трудные моменты, вспоминаю стихи Юрия Левитанского: «Я, как заклятье и молитву, твержу сто раз в течение дня: «Спаси меня, моя работа, спаси меня, спаси меня»...

Есть в ответах на анкету и такие строки: «Очень жалею, что у меня нет веры в Бога, хотя думаю, что мой Бог есть во мне». И действительно, кто был воспитан родителями вопреки официальному атеизму в христианской вере, те по-иному воспринимают жизнь, переживают невзгоды и неизбежную кончину человеческого существования. «С Божьей помощью и помощью своих родных и друзей **нам удалось в жизни главное – САМА ЖИЗНЬ**».

В своих достижениях мы всегда благодарны своим учителям и наставникам. Об этом традиционно вспоминают все прошедшие школу нашего славного 2-го Московского Медицинского института, ныне носящего гордое имя Российского Государственного Университета им. Н. И. Пирогова.

«Наши педагоги в большинстве своем остались в памяти как пример для подражания, как эталон врача: смотри, слушай и запоминай – вот таким должен быть врач, к этому ты должен стремиться! Не все было просто в процессе учебы, но плохое забывается, а хорошее вспоминается с добрым чувством любви и восторга».

«Конечно, в аудиториях и на лекциях много болтали, – вспоминает *Миша Рубашов*, но были профессора и преподаватели, у которых болтать было стыдно – Л. Я. Бляхер, С. Д. Терновский, С. Я. Капланский, блистательный И. В. Давыдовский, В. Я. Бахмутский, прививавший нам не только любовь к латинскому языку, но и, в силу прекрасного своего знания музыки, литературы, искусства, – развивавший в нас духовность...

Интересную историю нам поведала *Алла Машенджинова*. Ей удалось побывать в бытность ординатором кафедры психиатрии на даче у профессора В. А. Гиляровского на Николиной Горе. Он уже не работал после «дела врачей» 1952-1953 гг. Тогда, сидя на веранде, Василий Алексеевич расспрашивал молодежь о планах и намерениях. Все бодро отвечали: пишем, печатаемся, собираемся защищаться. Тогда он, обратившись к юной Алле, спросил: «А эта девочка что хочет?». Она встала и, умирая от стеснения, ответила: «Хочу быть просто врачом». Перед отъездом гостей хозяйка открыла бутылку вина, и Гиляровский провозгласил тост: «Выпьем за просто врачей!».

«Я считаю, – пишет нам Алла, – что это – «старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил».

Дима Крылов вслед за поэтом Андреем Дементьевым призывает нас:

«Не смейте забывать учителей.
Пусть будет жизнь достойна их усилий.
Учителями славится Россия.
Ученики приносят славу ей.
Не смейте забывать учителей!»

Говоря об учителях, не следует иметь в виду только наших институтских преподавателей. Это – и наши близкие, и школьные педагоги, и самые первые **самоотверженные учителя – наши матери**.

Слава Таболин пишет: «Все мои достижения – результат воспитания меня как человека и как личности моей матерью, незаурядной мудрой женщины, которая в трудные 1920-1930-е годы сумела с отцом – георгиевским кавалером 1914 года (простым крестьянином, потом рабочим) дать шести своим сыновьям высшее образование. Мама сама кончила только 4 класса сельской школы, и мечта выучить детей была целью всей ее жизни. Мы жили бедно. Все, что имело ценность, она

снесла в торгсин, чтобы были средства на нашу учебу. Родители воспитали нас в любви к Богу и Родине, в христианском духе любви и взаимопомощи, что мы повторили при создании собственных семей.

С большой теплотой вспоминает о своей матери *Нета Бабаева*: «Тон в семье задавала мама – красивая, умная, веселая. У нее все горело в руках, и она могла ответить на любой вопрос». И наши слова, обращенные к матерям, по сей день наполнены особой нежностью.

Мы сейчас с вами в таком возрасте и занимаем такое положение в обществе, что нам в самую пору не только вспоминать о своих истоках, но и говорить о **продолжателях нашего дела – своих учениках**. «Как считать, кто был учеником, – рассуждает *Люба Парицкая*, – те, кому мы преподавали или тех, кто после нас пришел работать в отделение и потом в дарственных надписях на своих авторефератах диссертаций писали: «Моему первому учителю»... *Надя Качалина* – практикующий врач, городской кардиолог – пишет: «В детских поликлиниках города, в детской горбольнице, в кабинетах функциональной диагностики взрослых – мои ученики. И если мои коллеги обо мне говорят «мой учитель» – это для меня особенно дорого».

А вот несколько **любимых нашими сокурсниками пословиц и выражений (а по сути – жизненных убеждений)**:

«Уныние – самый большой грех»; «Глаза боятся, а руки делают»; «Живы будем – не помрем», «Не хлебом единым». Уважают наши известное изречение царя Соломона «И это тоже пройдет» и такие принципы жизни, как: «Хочешь быть счастливым – умерь свои потребности»; «Без денег плохо жить, но богатство не делает людей счастливыми»; «Если ты уехал за границу ослом, оттуда ты не вернешься арабским скакуном»; «Какая на свете была бы тишина, если бы каждый говорил только то, что знает».

С годами у нас прошли многие иллюзии, заблуждения и просто неправильная оценка многих вещей, сформировавшиеся в значительной мере из-за недостаточной информации и воспитания «под сильным прессом» (о чем поняли значительно позже). Главное в жизни – остаться самим собою, сохранить порядочность, несмотря на сложные жизненные ситуации. Суметь сохранить радость жизни, несмотря на болячки, материальные и прочие трудности. Счастлив тот, кто сохранил взаимопонимание поколений.

«Особо значимое и дорогое в жизни, несомненно, – семья, основанная на любви, взаимоуважении и творческой деятельности, – *пишет Таболин*. *Дима Крылов* добавляет: «Всегда в центре моего внимания, приоритетом в жизненных ценностях, самым мощным стимулом в достижении цели была семейная жизнь. И если смысл жизни в созидании, в восхождении, в постижении, то ясно, что все это легче и вернее делать не в одиночку, а вместе».

За годы нашей жизни и деятельности нам пришлось многое пережить: нестабильность, разгул беспредела, людскую разобщенность, жестокость и пошлость, платное лечение и образование и ужасающее искажение русского языка.

Женя Соколов, умудренный жизнью и бывшей должностью ректора медвуза, философски поучает нас, неразумных: «Время, в котором живем, мы не выбираем. Поэтому принимать его надо таким, какое оно есть».

И мы продолжаем верить в общечеловеческие ценности: добро, честь, честность, порядочность, трудолюбие. Не приемлем в новой жизни корысти, озлобленности, бездушия, обесценивания человеческой жизни, поклонения деньгам, замены понятия «любовь» – сексом, а «счастье» – деньгами».

Что касается личного отношения к отдельным политикам, то здесь, как всегда, особо выделился патологоанатом *Юра Соловьев*: «С политиками ни с кем

не знаком, – пишет он, – и ни разу с ними хорошо не выпивал, поэтому речи об уважении не заходило. Некоторых, правда, видел, но очень фрагментарно – под микроскопом».

Кашкина Валя пишет: «Как годы бегут. Хочется, чтобы по-прежнему все кипело. Помню, на 4-ом курсе скачу я по лестницам на лекцию – во всем теле легкость, ощущение невесомости, полета. Вот бы теперь так!» Да куда там! Ведь мы в массе своей – дети войны с ее недоеданием и бесконечными стрессами.

Юра Соколов вспоминает, как он в 1947 г., готовясь и поступая в институт, четыре месяца жил без продовольственных карточек и потерял при этом 10 кг веса, а потом в течение всего первого семестра находился в состоянии астении и алиментарной дистрофии – просто спал, сил на учебу не оставалось...

В детстве и в студенческую бытность некоторые из нас много и часто болели – потому и пошли в медицину, чтобы понять, почему они все время болеют. Судя по письмам, больше всех досталось *Леоноре Гринио*: в институте она перенесла малярию, гепатит, туберкулез, болела хроническим энтероколитом, панкреатитом, язвенной болезнью 12-перстной кишки, брюшным тифом. Так что веселья и счастья студенчества она просто не смогла испытать...

Кто-то из этих детей войны пал в жизненной борьбе совсем молодым: Ира Капба, Дима Каулен, Тамара Лозинская, Иван Миронов...

И теперешние многочисленные инсульты, повторные инфаркты, инфарктные пневмонии, ДВС-синдром, первая группа инвалидности и прочие «прелести», в определенной степени, – отрывка всё тех же наших детско-юношеских голодных страшных лет...

Но в том-то и дело, что мы не ноем, «плюем на эти глупости». Послушайте внимательно высказывание на этот счет нашей любимой всеми юмористки, гимнастки и танцовщицы *Виты Чертуловой*: «По натуре я оптимист – иначе бы не пережила трижды висевший надо мной диагноз рака – почки, молочной железы и яичника. Я говорила себе: «Это не у меня», – и продолжала работать и «сучить ножками». Очень хочу приехать, но подводит правый тазобедренный сустав («вывихнуто плечико у бедного кузнечика»)... Однако надеюсь допрыгать до Москвы».

Сейчас мы переживаем очередной возрастной «критический период», усугубленный бесконечным реформированием всего. Поэтому вопрос: «**Кто ты по своему социальному статусу**» – для нас не праздный. Все мы балансируем на грани бедности и середнячества.

Соколов Женя считает себя «бедным середняком»; *Михалюк Валя* – «новым бедным русским», *Цеттельман* «хочет оценить себя и свою семью середняками,

но когда заходит по старой памяти (или по ошибке) в ЦУМ или в Петровский пассаж, то чувствует себя бедной или того хуже».

Парицкая Люба пишет: «Я отношу себя к бедным. Но это не та бедность, когда есть нечего, а та, когда надо долго и упорно отказывать себе во многом, чтобы приехать в Москву из нашего далекого Красноярска». *Качалина Надя*: «я – бедняк, богатый детьми и работой».

Машенджинова Алла считает себя богатой, т.к. ей никогда не хотелось иметь больше того, что у нее есть. *Усачева Нина* – вдова с двумя детьми. Есть у нее квартира с прошлого века на первом этаже со старой мебелью, гараж с погребом и велосипедом, огород в три сотки на бывшем совхозном поле, но она считает себя бедной лишь в финансово-экономическом отношении – никак не в духовном! Живет под девизом «Да здравствует все то, благодаря чему мы, несмотря ни на что» – и радуется синему небу, странной форме облака, запорошенным снегом деревьям, прыгающей с ветки на ветку белке...

Совсем недавно у тех, кто еще работал, день начинался и заканчивался мыслями: «Опять понедельник – опять пятница»; «Хватит ли сил добраться до работы» и «Слава Богу, этих сил хватило»; «Не забыть бы назавтра», а у того, кто ушел на пенсию: «Что приготовить на обед?» – «Опять не успела почитать»...

И все без исключения начинают день с благодарности продолжающейся жизни и заканчивают надеждой, что следующий тоже наступит. А перед сном вслед за Б. Пастернаком тихо шепчут, обращаясь к Всевышнему: «Благодарствуй, ты больше, чем просят, даешь».

В нашем возрасте и после всех перемен в нашей бурлящей стране особое значение имеют **ответы сокурсников на вопрос анкеты о их осознании главного в жизни.**

Большинство наших бывших студентов сначала считали главным светлое ощущение мира и весен, радость познания и приобщения к культуре, восторг молодости, романы, дружеское общение, общественную работу. В зрелые года стали считать главным счастье своих детей, умение хорошо держаться на ногах, сохранение интереса к жизни, своей физической и психической формы. Появился интерес к наблюдению за своим потомством, ожидание перемен в жизни страны и воспоминаниям...А сейчас воспоминания преобладают и все оставшиеся мысли и чувства направлены на свершения своих внуков и правнуков – и, конечно, - на сохранение и процветание своей страны.

В соответствии с переживаемыми периодами жизни мы формируем и свои жизненные девизы.

В молодости это: «Вперед – к светлому будущему»; «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью»; «Хочу все знать»; «Наше дело правое – мы победим»; «Озорство»; «Бороться и искать».

В зрелые годы: «Найти и не сдаваться»; «Догнать и перегнать»; «Оценивать все трезво»; «Работа и забота»; «Если не я – то кто же?»; «Стать профессионалом»; «Совершенствуйся, создай, строй»; «Запомнить, что раньше знала»...

Сейчас: «Пожить для внуков», «Как можно дольше все сохранить»; «Беречь друзей, ибо они уходят»; «Меньше есть»; «Больше двигаться», «Каждый прожитый день – праздник»; «Главное, ребята, сердцем не стареть»; «Не быть никому в тягость» и, конечно, с учетом сегодняшнего дня – «Капитализму – клизма»!

Совсем недавно у того, кто еще работал день начинался и заканчивался мыслями: «Опять понедельник – опять пятница»; «Хватит ли сил добраться до работы» и «Слава Богу, этих сил хватило»; «Не забыть бы назавтра» и «Опять не успела почитать»...

И все без исключения начинают день с благодарности продолжающейся жизни и заканчивают надеждой, что следующий тоже наступит. А перед сном вслед за Б. Пастернаком тихо шепчут, обращаясь к Всевышнему: «Благодарствуй! Ты больше, чем просят, даешь»...

Наш дорогой Институт! Студенческая наша молодость – профессиональные и дружеские истоки! Студенческое братство и волшебство любви!

«Студенческая жизнь вспоминается с большой теплотой и любовью. И чем дальше мы уходим от этого периода, тем теплее о нем воспоминания».

Разве можно забыть посиделки на дому у *Раи Корогодской*, которые регулярно проходили под кодовым названием «подготовка к латыни». Родители при этом в священном трепете покидали свой дом – для беспрепятственного освоения предмета. Когда они уходили, молодежь приступала к «занятиям». Все начиналось с первой части первого концерта Чайковского в исполнении Саши Колмансона. Затем шли анекдоты, песни и ужин – соленая капуста, отварная картошка, сладкий чай. Все было настолько интересно и весело, что про латынь вспоминали, только уходя домой.

А как забыть наши завтраки: хлеб с горчицей, пирожки; сладкий кисель по 5 коп. за стакан в столовой у трамвайного депо и картошку во всех видах (синее пюре в столовой, жаренная на воде в общежитиях, отварная в кожуре – на вынос с квасом, черным хлебом, воблой – при подготовке к весенним экзаменам в Сокольниках)!

Незабываемые будни общежитий! Здесь возникали романы и размолвки. Вместе с нами за занавесочками ютились брачные пары (проводя здесь, за неимением лучшего, свои медовые месяцы), а потом и мамы с младенцами.

Наша первая практика – сельская больница – без электричества, без водопровода. Экстренные операции ночью делали при освещении керосиновыми лампами, а на фельдшерские пункты выезжали на лошадях. По 20 операций в сутки в клинике факультетской хирургии, где нашему брату разрешали по дежурству оперировать!

А наши горячие многочасовые споры, пламенные комсомольские речи *Капы Лакина* и *Иры Капба*; испанский вечер, вечера с пением Михаила Александровича, выступлением Эммануила Каминки, музыковеда Г. А. Поляновского и начинающего тогда пианиста Наума Штаркмана! А наши стенгазеты, танцы, спортивные занятия, библиотеки, походы в театры, музыкальные вечера, джаз, капустники! Выпускной вечер в Метрополе!!!

У многих из нас в юности была «тайная неразделенная любовь», которая светлой памятью хранится в наших душевных тайниках, и короткие свидания со

своей юношеской любовью на наших встречах раз в пять лет вызывают вновь бурю в душе и порождают острые чувства, без которых жизнь – не в жизнь.

«Студенческая жизнь – это счастье, а счастье трудно описать». «О памятных местах и событиях, связанных с нашим институтом, у каждого свое – памятное и святое», – пишет *Дима Крылов*.

Слава Таболин назвал наш курс уникальным, сохранившим нашу юношескую дружбу на многие годы. И это – итог не только особенностей того времени, состава и сущности студенчества, но и уникальной организации встреч бывших студентов каждые пять лет от 15-летия в 1968 году до 65-летия в 2016 году и нашего сегодняшнего семидесятилетия.

Воспоминания о студенчестве... Они особенно оживают в дни, предшествующие нашим встречам с пятилетним интервалом. Сокурсники с надеждой ждут приглашения и с радостью сочиняют ответы на вопросы анкет, воскрешая молодость и заново оценивая чувства, поступки, свершения – всю свою жизнь. А оргкомитет команда веселых и находчивых под предводительством Вахтанга Немсадзе) – с не меньшей радостью, словно в машине времени, возвращаемся в юность – сначала из ближайшего далека, а потом с все более дальних рубежей, прощаясь на это время со статусом матерей и отцов, дедушек и бабушек, забывая о больных ногах и одышке, болях в спине и наплыве «легкой забывчивости»...

И еще: как хорошо, что вы живы и здоровы. Как хорошо, что у вас есть силы и энергия для организации такого мероприятия, тем более в такое тяжелое время. Я низко вам кланяюсь и благодарю. И я никогда не забуду то благословенное время, когда был студентом нашего института. Это лучшие годы моей жизни. – Так начинались почти все письма, присылаемые в оргкомитет.

А Катя Зоркина добавляет: «После наших встреч я 2-3 месяца живу в атмосфере наших студенческих лет...Молодость возвращается»...

Нина Никитина пишет: «На многие месяцы после встреч оставалось чувство какой-то внутренней радости, какой-то глубокой мечты и надежды»...

Ради этих встреч Слава Таболин убегал из больницы, несмотря на сердечные боли и грозный диагноз, а Алла Машенджинова даже отказалась от поездки в Париж.

В славной квартире Вахтанга и Марьяны Немсадзе в Большом Гнездиновском переулке Москвы после рюмочки чачи или грузинского вина мы начинали творить: придумывали девиз встречи, опросную анкету, текст письма-обращения, сценарий праздника встречи, кого приглашаем из учителей, каким быть приветствию, кто выступит от бывшей студенческой братии и от наших детей, где произойдет официоз и банкет, будут ли выставки фото и студенческих раритетов, в какую степь повезет нас речной трамвайчик на загородный «междусобойчик» второго дня нашего свидания...

«На каждую встречу иду, как на свидание с юностью. И даже постаревшие, пополневшие, морщинистые и сгорбленные мы в этот день снова становимся мальчишками и девчонками – и это прекрасно!» – пишут наши сокурсники.

У нас был замечательный курс, полный талантливых людей, который бурлил, одаряя эмоциями каждого из нас, и сумел сохранить целостность коллектива». И почти в каждом письме бывших студентов, присылаемом в оргкомитет, звучали слова: «От встречи нашей хочется унести в памяти оптимизм, стойкость, преданность друзей, веру, что мы не даром жили, трудились, помогали страдающим и не утратили ощущения нашего единства, когорты *Alma mater* (2-го Московского Медицинского Института) выпуска 1953 года».

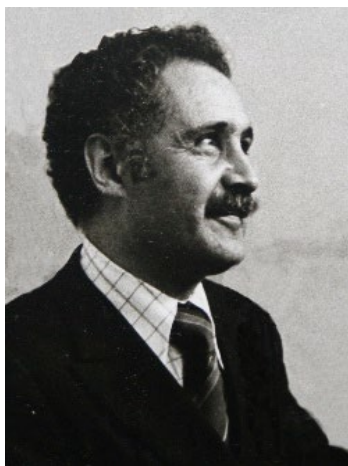

НАШ ДОРОГОЙ ВДОХНОВИТЕЛЬ И ДРУГ ВАХТАНГ НЕМСАДЗЕ

Милый Вахтанг, наш бесценный друг,
Юности стяг, счастья гонец!
Ярким огнём озаряешь ты круг
Юности давней зрелых сердец.
Жизнь развела нас по дальним путям,
Белой пургой замела она след,
Но сквозь года пробивается к нам
Юность, воскресшая раз в пять лет.

Если б не ты – это был лишь сон,
И не встречались друзья б опять.
Сердца́ не бились бы в унисон,
Не довелось бы глазам сиять...
Будь же счастлив, Вахтанг во всём!
Пусть не померкнет в окне твоём свет,
Жаром души согревай наш Дом
И собирай нас – раз в пять лет

**Выдержка из книги Инны Цыбульской (Шостакович) «Монолог о жизни» –
из раздела «Друзья душевные» –
под названием «Дом Вахтанга Немсадзе»**

Этот дорогой мне дом существует теперь в виртуальном мире моей души в душе моих близких как часть той жизненной мозаики, которая составляет панораму нашего окружения, – кубики, из которых складывается такой огромный и в то же время такой интимный собственный мир каждого из нас – наша совсем «малая Родина», без которой человек – и не человек вовсе.

Обычно восприятие и жизнеописание личности героев моих «Друзей душевных» я сооружала с их участием (полностью или частично), а содержание раздела «Дом Вахтанга» в моем исполнении рухнул, не успев созреть: я так давно мечтала посидеть вдвоем с Вахтангом и собрать по крупицам побольше сведений о его жизни, формировании его Личности, да вот опоздала... Умер наш Вахтанг в одночасье. Шел с работы домой, подошел к троллейбусной остановке и упал замертво.

Хоронили мы его, как говорят, «всем миром». Гражданская панихида в греческом зале хирургического корпуса Филатовской больницы собрала сотни людей, а все количество и разнообразие венков и живых цветов еле довели и разместили в зале крематория на Хованском кладбище. Поминки неподалеку в специально снятом помещении подмосковного совхоза «Московский» объединили десятки друзей и учеников. На прощании с ним на сороковой день, по христианскому обычаю, присутствовал более ограниченный круг людей:

родственники, соседи и два представителя нашего курса – его самый близкий друг Автандил (Афанасий Варламович) Чоговадзе и я...

Но еще много друзей из нашей общей юности, которые ходят с палочками или на костылях, плохо видят, живут вдали от Москвы и за пределами России (в Америке, Германии, Израиле) собирались в эти дни за накрытыми столами и поминали Вахтанга добрым благодарным словом за то, что он был, что он был светлым гением нашего курса и в дни учебы, и в годы последующей нашей жизни.

Дом Немсадзе всегда собирал много друзей. И даже те, кто в годы студенчества был знаком с ним не очень близко (как, например, я), потом, поддаваясь обаянию его личности и регулярным призывам к единению каждое пятилетие от точки отсчета (окончания института в 1953 году), просто влюблялись в него, заражались его энтузиазмом и добрыми чувствами, намерениями и делами.

Постепенно от встречи к встрече в этот круг втянулась я, потом я и мой муж Вадим; я, Вадим и наши дети; я, Вадим, наши дети и внуки... И так было со многими нашими выпускниками.

Вахтанг врачевал многочисленных отпрысков своих сокурсников, их родственников и друзей при неизбежных для детворы всех времен и народов травмах и болячках; согревал всех улыбкой, заряжал доброжелательностью...

Его жизненным кредо было известное изречение русского доктора начала XIX века (главного врача московских тюрем) Федора Петровича Гааза «Спешите делать добро».

Но последние годы первоначально огромный круг друзей-однокашников от встречи к встрече сужался из-за отъезда за границу и преждевременных уходов из жизни... Встречи с оставшимися становились все дороже и душевнее. Наша встреча 20 сентября 2008 г. (в честь 55-летия окончания Института) не набрала и сотни бывших студентов, способных передвигаться. Но как же тепло и радостно нам было и в лекционной аудитории №2 в старом здании 2 ММИ им. И.В. Сталина на Малой Пироговке (которое ему уже давно не принадлежит), а также в студенческой столовой Педагогического института им. В.И. Ленина (ныне зеркальный банкетный зал), арендованной нами на время встречи.

Оба эти здания в бытность нашего студенчества располагались в одном просторном общедоступном молодежном дворе, а сейчас этот двор перегорожен заборами, утыкан нелепыми подсобными постройками, многократно перечеркнут шлагбаумами и производит удручающее впечатление, подобное восприятию всей нашей теперешней суетной жизни, разделенной на бесконечные кланы и обреченных на одиночество семей и людей...

А как было хорошо нам всем вместе в студенческой семье живущих в общежитиях! Да и потом в дни встреч, особенно в первые пятилетия, когда мы жили еще все в Советском Союзе, были молоды – и в первый день торжественного свидания и подведения итогов прожитых врозь пяти лет – и на второй день встречи, когда мы, одетые попроще, отправлялись всем постстуденческим кагалом на парходике от Северного речного порта в Солнечную поляну. Сережа Гинсбург играл на аккордеоне (или баяне?), а мы танцевали, общались, шутили, обменивались воспоминаниями... И все это было задумано, срежессировано и воплощено в жизнь Вахтангом при поддержке его жены Марьяны и нашего оргкомитета, от которого сейчас остались в живых единицы...

Откуда же он взялся, этот красивый, добрый, всеми любимый грузин Вахтанг Немсадзе?

Он родился 12 марта 1926 года в г. Тбилиси и не раз излагал нам историю своего появления на свет: шли трудные годы конца двадцатых годов прошлого столетия. И когда мать Вахтанга поняла, что она беременна, тут же решила, что ребенок не ко времени, и пошла к врачу, чтобы прервать нежеланную беременность. Однако муж сумел проскочить к эскулапу до жены. Он заплатил ему за нужную дезинформацию – и когда к врачу вошла будущая мама, он уверил ее, что срок слишком большой и аборт делать поздно.

Годы учебы Вахтанга не были стандартно однородны: он умудрился четыре года проучиться в немецкой и три года в грузинской, а затем в русской школах. В результате у него были некоторые проблемы с русским языком. Да еще были две травмы, каждая из которых надолго выбивала его из учебных программ. Первая – травма коленного сустава, когда он по-мальчишечьи («на слабó») спрыгнул с высоты и повредил ногу, а затем восемь месяцев провел в гипсовой повязке в связи с подозрением на туберкулез коленного сустава. Вторая – получена перед окончанием школы в результате удара поленом во время рубки дров – все по тому же злосчастному колену. В итоге – костыли и не очень хорошие отметки в аттестате. А намеренья были определенные – Москва. Медицина.

Намереваясь поехать учиться в Москву, Вахтанг узнал, что 1-ый и 3-ий Медицинские институты в то время иногородним не предоставляли общежития, и все приезжие, жаждущие стать врачами, шли широким потоком во 2-ой Медицинский, что на Малой Пироговке. Он последовал за ними, но не добрал на вступительных экзаменах два балла, чтобы попасть на лечебный факультет. Ему предложили пойти в педиатрию.

– А что это такое? – спросил он – и вынужденно согласился.

Студенческие друзья Вахтанга:

А. Чоговадзе

В. Голяховский

А. Калмансон

П. Шастин

К. Смирнов

На курсе самым близким другом Немсадзе стал житель Гагр грузин Автандил Чоговадзе. Группа студентов, куда попал Вахтанг, собралась замечательная: Володя Голяховский, Саша Калмансон, Изя Зак, Паша Шастин, Костя Смирнов... Это был сплоченный коллектив веселых, иногда озорных, любознательных и талантливых ребят, которые стали заводилами не только своей группы и своего потока, но и всего курса. Володя Голяховский писал стихи и прекрасно рисовал, выпускал остроумные и забавные стенгазеты, подписи к которым тут же становились афоризмами. Ими начинали говорить (и до сих пор говорят) все студенты нашего курса (например, «Ну, а Яша с Толиком все стоят за столиком...»).

Саша Калмансон прекрасно играл на фортепиано, импровизировал и пел. Особенно запомнилось его исполнение нашего студенческого гимна, который мы распевали по домам в своих застольях и поем все вместе на своих традиционных встречах. Колоритный Изя Зак «светился» во всех капустниках, а о Паше Шастине и говорить нечего: они с Вахтангом все что-то придумывали, мастерили, организовывали... Они внесли свою немалую лепту в организацию знаменитого испанского вечера, о котором до сих пор грезят наши состарившиеся студенты и студентки!

Среди одногруппников оказалась и красивая статная москвичка Марьяна Алмазова. Ее дом (вернее дом ее матери Зои Михайловны – врача акушера-гинеколога Первой городской клинической больницы, ее сестры Екатерины Михайловны и ее бабушки Веры Федоровны) стал тем местом, где кучковались по праздникам и в дни студенческих сессий друзья-студенты, а потом многие годы собирался оргкомитет встреч 15-20-25-30-35-40-45-50 и 55-летних юбилеев окончания нашего студенчества.

Дом этот № 10 в Большом Гнездниковском переулке имел свою историю и свою судьбу. Вахтанг любил этот дом в центре Москвы с такой замечательной историей и гордился им. Он нравился и нам. Где вы еще такое увидите: занят один лифт – садишься в тот, что почти визави□ и не очень заметен. Едешь на нем и невольно вспоминаешь, что этот лифт был личным лифтом А.Я. Вышинского и особо охранялся...

Этому дому посвящен специальный выпуск «Биографии московского дома» В. А. Бессонова и Р. М. Янгирова 1990 года, в котором сообщается, что он был построен в 1912-1913 годах московским архитектором немецкого происхождения Эрнстом Рихардом Нирнзее (который поначалу был и его владельцем) как доходный дом («гостеприимный приют»). Он имел 10 этажей и по тогдашним меркам был огромен – недаром его называли «небоскребом» и «тучерезом».

В упомянутой книге приведены интересные исторические данные о месте застройки, жителях и посетителях дома. Место это представляет собой заметную возвышенность и расположено на месте Гнездниковской слободы (где ранее жили изготовители стрел), в непосредственной близости к Тверскому бульвару, разбитому на месте обветшалой стены Белого города, и Сретенской (ныне Пушкинской) площади. Переулок был узок (12,8 м) и изогнут, что определило также изогнутую конфигурацию дома и нарочито широченные прямые его коридоры – удобные на случай пожара. Квартиры не предполагали длительного проживания, и потому подсобных помещений было мало, превалировала жилая площадь.

Центральное расположение дома и его удобные просторы за почти столетнее его существование привлекали множество известных людей – поэтов, писателей, актеров, киношников, а после революции – советское и партийное начальство.

Московская охранка, расположенная в этом же переулке (в доме № 8 – напротив) силами своих филеров зарегистрировала в своем архиве в 1915 г. его посещение Григорием Распутиным. В том же году у проживавшего в этом доме поэта и художника Давида Бурлюка (одного из основателей русского футуризма) останавливался Владимир Маяковский.

Здесь в 1914 г. жил Александр Яковлевич Таиров – известный режиссер, реформатор сцены, организатор и руководитель Камерного театра и заходил в поэтический клуб, созданный одним из преподавателей словесности московской гимназии, известный поэт Велимир Хлебников.

С этим домом был тесно связан Михаил Булгаков. Вначале он как секретарь литературного отдела Главполитпросвета приходил на квартиру проживавшего здесь заведующего этим отделом А.П. Готфрида. Затем в 1922 г. он не раз посещал открывшуюся в доме московскую контору газеты «Накануне» (издававшуюся в Берлине группой эмигрантов), где М. Булгаков начал печататься. Бывал он так же на собраниях литературного кружка писателя Юрия Потехина, который тоже жил в этом доме. Автор знаменитого романа «Мастер и Маргарита» читал на заседаниях этого кружка свои произведения и описал атмосферу и антураж дома № 10 в своей «Дьяволиаде», а в 1929 здесь же познакомился со своей будущей женой Еленой Сергеевной Шиловской.

В 1918-1922 гг. в доме располагалась редакция первого советского иллюстрированного журнала литературы, искусства, науки и жизни «Творчество», которым руководил вместе с другими писатель Александр Серафимович (Попов), а в 1923 г. здесь начинала свое победное шествие редакция еженедельного общественно-политического и литературно-художественного журнала «Огонек» под руководством Ефима Зозули и Михаила Кольцова.

Но особую славу дому №10, что в Большом Гнездниковском переулке, принес подвал, который Нирнзее спланировал как место отдыха постояльцев – театр-кабаре на 300 мест с серией лож (потом за счет столиков и лож театр расширили до 500 мест). Здесь последовательно царствовали в 1915-1922 г. театр-кабаре «Летучая мышь» Николая Федоровича Балиева (Баляна), выросший из знаменитых капустников Художественного театра; в 1922-1924 гг. – театр-буфф «Кривой Джимми». С 1924-1928 гг. знаменитый подвал стал первым пристанищем вновь созданного режиссером Давидом Гутманом театра Сатиры, где ведущей актрисой того времени была Рина Зеленая. С 1928 г. здесь располагалась студия Малого театра, режиссируемая В. Кавериним. В 1931 г. именно здесь был объявлен набор поющих и танцующих цыган и с 1932 г. по 1958 г. успешно действовал цыганский театр Ромэн во главе с Михаилом Яншиным, а с 1958 г. – учебный театр ГИТИСА им. А.В. Луначарского.

В 1970 г. Юрий Завадский впервые поставил здесь Булгаковский «Бег», а Андрей Гончаров – Фадеевский «Разгром». В 1989 г. после капитального ремонта в подвале Нирнзеевского дома вновь появилась «Летучая мышь», организованная молодыми актерами театра им. М.Н. Ермоловой.

Когда-то здесь, в театральном подвале выступал Александр Вертинский; любили бывать С. Коненков, Н. Обухова, В. Яхонтов, И. Эренбург, О. Андровская...

А еще в этом доме расцветала российская кинематография – помещался первый профессиональный союз кинослужащих. Прямо в квартире 430, где позднее жили Вахтанг и Марьяна, в 1915 г. располагалась контора товарищества «Киночайка», организованная предпринимателем В. Венгеровым и режиссером В. Гардиным. В качестве павильона для съемок приспособили бывшую общественную столовую на верхнем этаже и знаменитую крышу Гнездниковского дома, выполненную Нирнзее как зона отдыха. Здесь работал сценаристом Аркадий

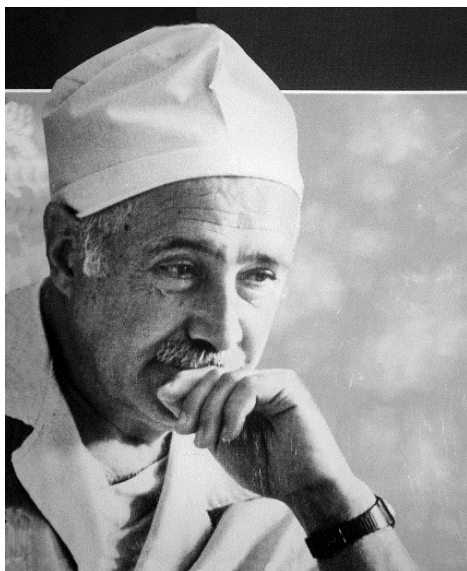
Аверченко, а режиссерами – Б. М. Сушкевич и первая женщина-кинорежиссер Ольга Преображенская (а в 1924 г. в доме открыли АРК – ассоциацию революционной кинематографии – первый творческий союз в истории советского кино во главе с Сергеем Эйзенштейном со товарищи).

Ну как было не любить такой замечательный дом!

В нем Вахтанг и Марьяна прожили счастливую жизнь. Окончив институт, они поехали по распределению работать в Орехово-Зуево (сначала на амбулаторном приеме, потом в стационаре). Вернулись в Москву через положенные три года. Марьяна пошла работать в микробиологическую лабораторию ЦНИИ туберкулеза, а Вахтанг – сначала в 20-ю детскую больницу, что на Полянке, где много лет трудился и формировал коллектив детских хирургов-травматологов Николай Григорьевич Дамье, а затем – в хирургическое отделение больницы им. Н.Ф. Филатова, на базе которой в то время существовала кафедра детской хирургии и ортопедии II ММИ им. И.В. Сталина, руководимая Сергеем Дмитриевичем Терновским.

Здесь он вырос, «остепенился», участвовал в создании школы детских травматологов-ортопедов; работал и вдохновенно обучал своей профессии молодежь, которая платила ему неизменным уважением и любовью.

Не моя задача характеризовать Вахтанга как профессионала. Я лично знаю Вахтанга как хирурга только в трех его главных ипостасях: как главного детского хирурга-травматолога г. Москвы, как бессменного руководителя студенческого кружка на кафедре хирургии в Филатовской больнице и (о чем я уже писала выше) – как ангела-хранителя всех детей и внуков, выращенных нашим курсом.

Но главным в нашем Вахтанге было то, что, в каком бы амплуа он ни выступал, – он везде проявлял себя *самым человечным Человеком*. Его знали, помнили и любили все: женщины и мужчины, дети большие и дети маленькие. Последние воспринимали его по-своему. То ли спокойный и какой-то «обволакивающий добротой» тембр его голоса действовал на их подсознание, то ли веселый и опять-таки с доброй грустинкой прищур его глаз, – только они затихали, не сопротивлялись его осмотру, а те, что постарше и побойчее – сами бежали к нему, обнимали его за ноги...

На торжественной церемонии прощания с Вахтангом в Филатовской больнице, когда уже стало известно о его больном сердце с постинфарктным кардиосклерозом, прозвучали скорбные слова о том, что могло способствовать его такому неожиданному уходу. Главным (о чем сказала его внучка) было то, что перед кончиной он был чрезвычайно угнетен разладом русско-грузинских отношений, которые ранили его больное грузино-русское сердце... А Леня Рошаль, как всегда откровенно и резко высказался в адрес нашего Министерства здравоохранения, которое нанесло свою рану в сердце Вахтанга тем, что, даже не поблагодарив его за многолетний труд главного специалиста и не известив его о переизбрании (что было бы естественным в его возрасте), просто поставило на это место другого – и точка...

Памяти Вахтанга Немсадзе

Сегодня тебя сжигают, и ты превратишься в прах.
Родные у гроба рыдают, друзья застыли в слезах...
И скажут на грустной тризне – пусть прахом будет земля;
Для всех нас, друзей твоей жизни, ты был капитан корабля.
В твой дом мы всегда собирались из разных республик и стран,
Как знать? – Без тебя мы б распались. Ты сплачивал нас, капитан.
Дорогу в Большой Гнездиновский полвека мы знали, любя.
Там дружбой грузино-московской встречал ты нас всех у себя.
Ты был тамадою со славой на каждом застолье друзей.
Теперь, как две тени с Марьяной, нам кажется вы у дверей...
В забвенья далекие реки, в туманы заоблачных стран,
Куда все уходят навеки, – уплыл ты от нас, капитан...

А на поминках в совхозе «Московском», куда собрались все после кремации, выступающие один за другим делились своими воспоминаниями. Говорили:

– *о его профессионализме*, которым пользовались многие высокопоставленные люди (он лечил дочь Владимира Путина, родственников Минтимера Шаймиева, Иосифа Кобзона и др.)...

– *о его необыкновенном такте* (как-то молодой хирург, проводя операцию на локтевом суставе, сделал неправильный ход спицей, а Вахтанг, не ругаясь и даже не показав недовольства, вынул спицу и поставил ее собственноручно в нужном направлении)...

– *о его бесконечном дружелюбии* (по инициативе Вахтанга он и его соседка на даче убрали разъединяющие их заборы – и стали еще больше общаться и дружить)...

– *о его незлобivosti и мягкости* (самым страшным ругательством в устах Вахтанга, по свидетельству домашних и соседки, было слово «кастрюля», а по свидетельству учеников и кружковцев, – «морковка»)...

– *о его бескорыстном отзывчивом сердце* (об этом говорили многие, в том числе, моя Лена, которая вспомнила, как ее Катюшка на даче в Зеленоградской, впервые сев в коляске, с любопытством стала разглядывать вертящиеся колеса – и в буквальном смысле слова вывалилась из коляски на асфальт. По всем признакам произошел перелом бедра. День был воскресный. Лена, плача, позвонила мне в Москву, а я – Вахтангу. Он был дома, заехав с дачи на пару часов, и уже собирался покинуть Москву. Несмотря на это, он сказал, чтобы мы срочно привезли ребенка в Филатовскую больницу, куда он сейчас приедет сам. Его не смутило и то, что девочку сначала надо было доставить в Москву – и это по времени оттягивало наш приезд в больницу. Рентген не работал. Он сам все наладил, сделал снимки, наложил гипс, дал рекомендации)...

– *о его тонкой художественной натуре* (выражением этого были его изумительные фото и киносъемки цветов, листьев, бабочек, гусениц – незамечаемого многими, но такого прекрасного «малого мира», живущего рядом с нами своей жизнью)...

– *о бесконечном уважении, признании и любви к нему всех, кто с ним соприкасался* (товарищи по работе и студенты дружелюбно и уважительно называли его за глаза «Вахтанг», а дети, которых он лечил, называли его вместо официально-жесткого «Панкратович», смягченно-ласково «Панктатович»... А когда на последней студенческой конференции в г. Екатеринбурге, куда он вывозил

с докладами своих питомцев-кружковцев, объявили его присутствие, – весь зал встал и долго от всего сердца аплодировал нашему Вахтангу).

На тех поминках я не стала выступать с воспоминаниями. Но помимо наших оргкомитетских студенческих встреч, о которых я уже писала, и о неоценимой его профессиональной помощи моим бесконечно что-то ломающим внукам, в моем сердце хранятся воспоминания его посещения нашего дома на Серповом переулке, когда ради взрослеющих детей мы с мужем организовали «Клуб любознательных». Многие наши «друзья душевные» раскрывались тогда перед нами с лучших своих сторон, рассказывая о космосе, архитектуре, великих городах. А Вахтанг пришел к нам со слайдами своего сада – и мы как зачарованные смотрели на созданный им мир совсем малых «братьев наших меньших», на пиршество красок осеннего сада – на живое великолепие Русской Природы.... И это произвело на взрослых и детей не меньшее впечатление, чем картины космоса, Парижа, византийских колонн.

В тот вечер Вахтанг раскрылся перед нами самым лучшим, чем одарил его Бог – богатством внутреннего мира, чувственного восприятия и единения с Природой, бесконечной Добротой...

На одном из дней рождения Вахтанга в бытность наших активных встреч в годы поминования студенчества в его штаб-квартире за столом, уставленным чачей, коньяком и грузинскими винами, лобио и сациви, которые за долгие годы совместной жизни научилась прекрасно готовить Марьяна, мы с Вадимом от души спели ему очередную нашу величальную:

Песенное попури (адресовано Вахтангу Немсадзе)

на мотив песни «Я люблю тебя, жизнь»:

Я люблю тебя, жизнь,
Что само по себе и не ново –
Столько было всего,
Что тревожит нас снова и снова...

И любовь, и друзья –
От чего сердце тает и бьётся –
И родные края,
Что теперь за границей зовется...

на мотив песни из к/ф «Весна на Заречной улице»:

Когда весна придёт – не знаю.
Пройдут дожди, сойдут снега,
Но ты мне, улица родная,
И в непогоду дорога.

Сюда пришел парнишкой юным,
Обрёл жену, родил здесь дочь,
Достиг всего, стал шибко умным,
Но подурить совсем не прочь...

на мотив песни из к/ф «Добровольцы»:

Забота твоя такая,
Забота совсем не простая –
Здоровье дать всем детишкам,
Да счастье своей семье.

И днём и ночью
Который год подряд
Хирургом сверхсрочно
Латаешь и шьёшь ребят...

на мотив песни из к/ф «Кубанские казаки»:

Остался ты, каким родился,
Лихой и добрый наш грузин,
А вот снимать ты классно научился,
Природы щедрой верный сын.

Ещё одно твоё призвание –
Кружок студенческий вести,
Им отдавать и душу, и познания –
Взамен любовь их обрести...

на мотив песни «Школьный вальс»:

Давно, друзья, нам снятся сны –
Простились с институтом мы,
Но каждые пять лет труба зовёт.

Девчонками, мальчишками,
С анкетками подмышками
Сюда бежит задиристый народ...

на мотив песни «Бригантина»:

Капитан, обветренный, как скалы,
Ты всегда у курса впереди,
И ведешь нас к встречам небывалым,
Словно Данко, вырвав сердце из груди...

на мотив песни «Глобус»:

Глобус крутится-вертится,
Словно шар голубой.
И мы счастливы встретиться
С молодой порой.

Пусть мелькают годы, как мгновенья,
Ни один не канет в тень забвенья,
Каждый дорог нам своею страстью,
Когда солнышком, когда ненастьем....

на мотив песни «Журавлёнок»:

Ушло тепло с полей...
Со стаяй журавлей
Уходят близкие из жизни нашей,
Но помним мы о них,
Любимых, дорогих –
И нет для нас дорожке их и краше.

на мотив песни «Будьте здоровы»:

Так будьте ж здоровы,
Живите богато
И нас собирайте
В своей чудо-хате.

С тобой оживали,
Здесь силы черпали.
Печали и хвори
От нас отлетали...

Мы здесь тусовались
Совсем молодыми,
Не раз собирались
Устало-седыми...

Спасибо, Вахтанг,
И спасибо, Марьяна!
Мы дружбою с вами
От радости пьяны...

Прошел ровно год со дня смерти Вахтанга – и 31 октября 2009 года по звонку (как юные «тимуровцы») мы собрались в Рахманиновском зале консерватории, где был объявлен вечер «Памяти главного детского хирурга Москвы, профессора Вахтанга Панкратовича Немсадзе (12 марта 1926 – 31 октября 2008)».

Организовала этот вечер его племянница Нино Баркалая – прекрасный пианист, органист и музыковед, Кавалер Ордена искусств и литературы Франции за исполнение французской современной музыки. Вместе с дипломированным мастером скрипки Дмитрием Германом она играла в двух отделениях концерта, а перед исполнением музыкальных номеров выступали представители хирургического общества Москвы с проникновенными словами о своем Учителе и Друге. Они говорили, что не только профессиональные знания, но сам облик его, его человеческая сущность притягивали молодых, которые шли в детскую хирургию и конкретно на кафедру, чтобы быть рядом и походить на Немсадзе...

Справа от рояля стоял портрет Вахтанга: он склонил лицо к руке и с мягкой улыбкой на губах, чуть прищурив глаза, кажется, слушал исполняемую музыку... Слева от рояля – экран, на котором то сменяются картины природы, заснятые Вахтангом, то плавной чередой проходят фотографии, отражающие различные моменты его жизни...

В конце концерта устроители вечера порадовали почитателей Вахтанга царским подарком – раздачей только что выпущенной издательством «Гео» книги «Теплые руки» (Сборник памяти В. П. Немсадзе. Составитель – Николай Шастин, сын Паши Шастина, ныне покойного нашего сокурсника и друга).

В конце своей книги-интервью Николай поясняет, почему она получила такое название: «Вахтанг на его вопрос, какие свойства личности должны быть присущи врачу, ответил: «Врач, который подходит к больному пациенту... для начала у него должны быть теплые руки... ты касаешься больного теплыми руками, между тобой и пациентом возникает контакт. Волей-неволей он ощущает твоё тепло, ты егоогреваешь, даже если его трясет от того, что ты скажешь этому больному... Доброта, мягкость, соучастие...».

В этих словах весь Вахтанг.

НАШЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ МИРА

1. ЮНОСТЬ, опаленная войной

Не сняв гимнастерки зеленые,
Проколотые медалями,
Мы вернулись, войной опаленные,
Пропыленные дальними далями,

И рассеялись в аудиториях
В том – бесконкурсном для нас августе...
Так начиналась история
56-летней давности.

И полетели недели с семестрами,
И затуманились головы юные,
Девочки наши стали невестами,
Стали свадьбы играть нешумные.

И в свои сроки, как это водится,
Вдруг заукали наши наследники,
И завертелось все в хороводе там –
Пеленки, конспекты, присыпки, учебники...

И, наконец, нам пришло дозволение
В самом «Метрополе» открыть шампанское...
Так после бала мое поколение
Покинуло гнёзда свои якиманские.

И разлетелись все шумными стаями
С гиппократовыми мандатами,
В само поднебесье порой залетая
Академиками, лауреатами...

Сколько их среди нас – заслуженных,
Увенчанных степенями и званиями? –
Больше тех, кому нужен лишь
Миг победы и знак признания.

Им – гвардейцам белого воинства,
В вечном походе ведущим сражения,
Хотелось бы словом воздать по достоинству
И поклониться от нашего поколения.

И сверстникам нашим, ушедшим до времени,
И старшим, годами сровнявшимся с нами,
Всем, удостоенным чести доверия,
Великой чести любви и признания...

Нет, ни педантами, ни страстотерпцами,
Были учившие нас учителя,
Недаром к огню их тянулись всем сердцем мы –
И к теоретикам, и к исцелителям.

Теперь у надгробий их сможем едва ли мы
Постичь до конца, что нам было завещано,
Но долг наш с цветами сложить запоздалыми
Мгновенья, достойные их бесконечности.

Меняется всё – устои, традиции,
И нравы, и власти – кумиры вчерашние,
И только в одном не должны измениться мы –
В своем милосердии и твердом бесстрашии...

Со скальпелем, лазером, атомом меченым
Штурмуют недуги, спасают от бремени
Бойцы белой гвардии безупречные,
Свидетели бурного нашего времени.

Желаю вам сил, и упорства, и гордости,
В минуты сомнений – огня озарения,
Дела отложившим – здоровья и бодрости,
От дел не ушедшим – побед в их сражениях!
Крылов Дима, Москва

В деревне было. День Победы.
Туда пришёл к шести утра.
Подзабывались за ночь беды,
Коров доить вставать пора.

Но вот собрались бабы вместе,
Пригнали в стадо тощий скот.
И начался на сборном месте
Ужасный вопль на весь народ.

Кричали все: и молодые,
И пожилые вдовы, тут
Пришли подруги и родные,
И всё идут, идут, идут...

Кричали женщины все разно,
Причитывали на свой нрав,
Старушки – те богообразно
Молитву пели «...смерть поправ»

Три четверти мужчин, все знали,
Не вернулись с той войны,
Девчата тоже погибали,
Как защитники страны.

Так день Победы начинался...
Да, это был счастливый миг,
Навечно в памяти остался
С ним вместе долгий женский крик.

А.И. Кузнецов - Москва

Мироощущение

Мы самое лучшее в жизни своей
С Москвой, с институтом связали.
В студенческом братстве сплотились тесней
И клятву священную дали.
Наследники лучших традиций страны,
Преемники дел Гиппократов,
Торжественной клятве мы были верны
И долг свой исполнили свято!
Высокое званье российских врачей
В труде пронесли мы, как знамя!
И славен сегодняшний наш юбилей,
Где высшей наградой – признание,
Где смелость и мудрость высоких идей,
Где честь институтских традиций
И опыт прославленных учителей,
Которыми можно гордиться!
Так выше поднимем эмблему врачей –
Старинную Гигиены чашу –
За Жизнь! За Здоровье! За Счастье людей!
За дружбу сердечную нашу!!!

Крылов Дима – Москва

Какому Богу поклоняться? и как?
Ему не сыщешь имя в святцах никак.
Всей жизни мало, чтоб решиться, как быть
И нужно ли богам молиться, чтоб жить.
Всевидящий и Вездесущий, как свет,
Тебе давать ли, Всемогущий, обет?
Или Природы поклоняться дарам,
Ее просить, ее молиться мирам?
А может, глянуть надо глубже – в себя
И людям сердце отдать на службу – любя?
Природа, Бог и Человечья Душа
Пусть сольются, жизнью вечной дыша –
Творили свет чтоб, источали тепло
И были вместе и в начале всего.

Шостакович Инна – Москва

Считая жизнь превыше всяких благ,
Ты каждый миг цени и каждый шаг.
Спокон веков был человек таким:
Одно искал он, жертвуя другим,
И молодости понимал он цену,
Когда уже он не был молодым...

Упаси вас Бог познать заботы,
Об ушедшей юности тужить,
Делать нелюбимую работу,
С нелюбимым человеком жить...

Жизнь – это возможность – воспользуйся ею.
Это красота – восхитись ею.
Это блаженство – вкуси его.
Это мечта – осуществи её.
Это вызов – прими его.
Это долг твой насущный – исполни его.
Это игра – стань игроком.
Это богатство – не растратить его.
Это имущество – береги его.
Это любовь – насладись ею сполна.
Это тайна – познай её.
Это завет – исполни его.
Это юдоль бедствия – превозмоги её.
Это песнь – спой её до конца.
Это борьба – стань борцом.
Это бездна неведомого – ступи в неё, не страшась.
Это удача – лови этот миг.
Жизнь так прекрасна – не забудь её.
ЖИЗНЬ – твоя ЖИЗНЬ – борись за нее.

Лачинова Рита – Тульская область

Мы так лелеем наше тело:
От лишка веса бережем,
Полощем складки то и дело,
Сгибаем, гладим, чистим, мнём.
Наносим крем и в бане парим,
Свой формируем аромат.
Природу без стеснения правим –
Един извечный результат.
О, если б мы с таким же рвением
Лелеяли наш вечный дух.
С упорством, силой и умением
Острили глаз, и вкус, и слух;
Оттачивали восприятие,
Воображенья славный дар,
Добра и состраданья стати,
Пытливости, таланта жар;
Стремились чувствовать и мыслить,
Любить и веровать в мечту,
Уметь себя от скверны чистить,

Творить и славить красоту,
Чтобы к грядущим поколениям
Дошли не пепел, холм и крест,
А песни, книги и ученья,
И память дел, и лес окрест.

Шостакович Анна – Москва

Любовь

Какие чувства двух влекут друг к другу
Сквозь расстоянья, время и разлуку,
Сквозь боль застывшую и тупость будней,
Сквозь недовольства, мытарства, привычку?
Какие таинства природа ль, Бог создали,
Что сквозь толпу людей, моря и страны
Бьют током, единят, терзают мысли,
Лишают сна – и наполняют счастьем?
Чем объяснить всю тягу тела к ласке,
Всю ненасытность запахов, касанья,
Все ликованье, дрожь, угар-истому,
Всю жажду к жертве, к продолженью рода?
А надо ль понимать? Пусть чувства бродят,
Тугим пусть стержнем в каждом поселятся,
Рождают песни, стоны, грёзы, мысли,
Живят пусть душу – факел созиданья.

Шостакович Анна – Москва

Прошу я утренний рассвет
Мой теплый трепетный привет
Пролить в твою обитель...
Прошу горячий солнца луч
Послать мой зной сквозь тени туч
Тебе – всех дум властитель...
Хочу стать нежною водой, –
Тебя обвить, ласкать порой
Журчаньем струек-нитей...
Суметь бы свежим ветерком
Поцеловать тебя тайком
Мой милый покоритель.

Мальшова Анна – Москва

Книгу памяти беребя,
Я скольжу по страницам дней.
Как мне хочется видеть тебя,
Думать как о своей;

Слышать живое слово –
Колющее и «Не тронь!»,
Видеть все в искрах снова
Глаза – голубой огонь;
Сморщенный по-смешному
По-детски веселый нос
И по-женски каждое слово –
Восклицание и вопрос.
Волос золотых оправу,
Смеющийся гордый рот
С жаждою своенравной
Сделать наоборот.
И тут же печаль мадонны
И образ такой тоски,
Что сердце вот-вот со звоном
Расколется на куски.
И снова представить ясно
Слетающий под курган
Из смеха и сил прекрасный
Юности ураган.

Крылов Дима – Москва

Не проходит сказочное чувство
Первой неоконченной любви.
И пусть в жизни полно или пусто –
Жар ее всегда в живой крови.
Не растает в серой дымке будней,
Не скользнет по жизни тощей тенью,
Не усохнет до привычно-нудной,
Не истает каплями в забвенье...
Песней полнозвучной, гордой птицей,
Солнцем, ослепительным до боли
Будет жить, дышать, аукать, сниться,
Сердце жечь и рваться из неволи.
Достояньем станет самым ценным,
Грустью светлую непроходящей,
Светом теплым и огнем нетленным,
Ветром теплым, в юность уносящим...
И пусть в жизни полно или пусто –
Жар всегда горит в живой крови.
Не проходит сказочное чувство
Первой нерастраченной любви...

Шостак Инна – Москва.

Ты где-то в юности остался
И молодым живешь сейчас,
Не раздобрел и не сломался,
Не побелел и не погас.

Ты всё смущаешься в сторонке,
Боишься сердцем закричать,
А жизнь течет волною звонкой –
Тебе тех волн не удержать...

Улыбка добрая и взгляды,
Молчанья святость – это ты,
Со мною близко и не рядом –
В том дивном царстве, где мечты...

Ты где-то в юности остался –
Я удаляюсь от неё.
Всё это сказка, может стать,
Но жить мне трудно без неё...

Шостак Инна – Москва

Жажда знаний

Эх, анатомка боевая,
Не страшна нам зубрежка любая.
Вышибать нас рановато
Может, будем врачами и мы.
С утра охваченный боязнью,
Как злой преступник перед казнью,
Студент приходит в институт.
Но, Боже! Что творится тут!
У двери толчея, тревоги.
Ряды дрожащих бледных лиц,
Ребячий бас и писк девиц.
Шум, вздохи, давка у порога,
Зачётки, громкий нервный смех
И ужас на лице у всех.

Голочевская Валя – Москва

На третьем курсе стали мы врачами,
Заветный в руки взяли стетоскоп,
Но всё равно не спали мы ночами,
Нас терапия загоняла в гроб.
С печальным взором от наук,
Обложен книгами по теме
Сидит с печатью дум и мук
В дыму, в окурках – «академик»*.

Микаелян Саша – Ереван

* Так называли Диму Горского

Студенческий задор

Если ты прокрутил последний рублик –
То беги и у соседа занимай.
Хоть в кармане ни гроша,
Но зато поёт душа – никогда и нигде не унывай!
Если твой котелок совсем не варит –
Пустоты ты его не выдавай.
Делай вид, что ты Сократ и премудростью богат, –
Никогда и нигде не унывай!
На третьем курсе стали мы врачами,
Заветный в руки взяли стетоскоп,
Но всё равно не спали мы ночами –
Нас терапия загоняла в гроб.

Микаелян Саша – Ереван

Зимою, весною застигнуты бедою,
Готовимся мы к бою с профессорской ордою.
Кто учит, кто учит – себя напрасно мучит.
Тому, кто поумнее, достаточно трёх дней.

*Припев: Студенты – гении, пора бы знать!
Зачёты трудные сумеет сдать,
А коль не знаешь ты билет,
То не забудь про шпарголет.*

Пусть доценты с вас не спускают глаз,
Ассистенты пусть нападают на вас –
Вы не грустите: так уж положено им.
Мы любой предмет на тройку обязательно сдадим

Припев:
Спихнул ты сессию – теперь гуляй.
А со стипендии – и выпивай.
Ты можешь спать минут шестьсот
И просыпаться без забот.

Припев:
Утром рано можешь теперь не вставать.
Пред деканом можешь теперь не дрожать,
Каждый вечер можешь гулять под луной
С Машей, Зоей, Таней или с какой-нибудь другой.

Припев
Зимою и летом мы ездим без билета.
Проводники нас знают, штрафуют, снимают,
А мы им ответим студенческим билетом:
Что хочешь ты кричи, но мы не богачи!

Припев

Сделали газету. Ниже, подписуясь,
Вам расскажем правду – честно, не рисуясь:
Как наш Алексеев (он у нас редактор),
Собирал заметки и пыхтел, как трактор.
Всех ругал – лишь к сроку вышла бы газета,
Собирал нас – членов – вместе для совета.
Мастер на все руки – он у нас рисует,
Пишет, если надо, – рожицы малюет.
Галочку Васильеву знаете все вы.
В ножки ей поклонитесь – будете правы:
Маленькая, скромная – ночи все сидит,
Пишет всю газету – силы не щадит.
А Шаталин Сеня – штатный оформитель
И газетной чести яростный ревнитель –
Рисовал газету тихими ночами,
Мысль будил у многих умными речами.
Тома же Лозинская слишком уж скромна.
Более активной быть она должна.
Если же Тамара помогать начнёт, –
Мысль кипит стихами, рифмами течёт.
А другой художник – наш Монахов томный –
В помощи газете что-то очень скромный:
Долго тянет, мнет, тему подбирая,
В день и час последний юмор оформляя.
Валечка Потапова как-то на заказ
Исполняла песенки звонкие для нас...
А в работе нет её. Где ты? Отзовись!
В общее ты дело дружное включись!
Шостак – член последний – шумная немного
(Все-таки терпима, подходя не строго).
То она в заметке что-то поправляет,
То стихами пишет, то, вертась, мешает.
Все, собравшись вместе, табором кочуем.
Помещенья нету – на ходу рисуем.
Думая о лучшем, делаем, что можем.
Кончим – и на суд ваш труд свой мы предложим.

Шостак Инна – Москва

Студенческие вечера

Уж вечер за окном горит, как в искрах.
В созвездиях Москвы – Кремлевский Орион...
Сегодня будет каждый прост и искрен
И чуточку в кого-нибудь влюблен...
Сегодня мы сошлись, чтоб стать ещё теснее,
Что локтем к локтю, взглядом в взгляд.
Перед лицом Москвы сказать, что рядом с нею
И наши души звездами горят.

Где молодость живет – там счет годам потерян,
Где песнь звенит, где стих плывет в тиши –
Лишь только там мы до конца поверим
В бессмертье юности, в величие души.

Микиелян Саша – Ереван

На третьем курсе на одном из капустников была спета студенческая колыбельная – при свечах:

Спи, мой детка, по методу Безредка –
И пусть тебе навевает сон холерный вибрион.
Спи ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла ла–
Снится пусть тебе Синай,
Много маленьких спирилл и веселеньких бацилл.
С сальмонеллой поиграй-ка, с пробами Видаля-Райта.
Хоть во сне их изучай... Спи ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-ла-лай.

За этим следовало извлечение из импровизированной колыбели (двух стульев) «малютки» – довольно объемного уже в то время Изи Зака...

Театральные страсти

Трудились, старались и с лекций мы смывались,
Для вас создать пытались студенческий концерт.
Его мы начинаем и смело заявляем.
Что места скуки в наших песнях нет.
Ведь Саша долго мучил нас
Теперь мы примемся за вас...

Шердукалова Люда

Чуть вечер наступает – столица оживает,
Реклам повсюду виден яркий свет;
Студенты-театралы спешат чуть вечер – в залы,
Зажав в руках магический билет,
А если нет билета (не в первый раз и это!) –
На три билета вчетвером, а иногда и на четыре всемером...

*Припев: Студенты, студенты второго ЭМГеМИ,
Поклонники муз и Мельпомены!
Влекут вас, как бабочек, рампы огни –
Весь вечер вы пленники сцены, сцены...*

Сказать мы можем прямо, что обожаем драму
И любим оперетту и балет (балет, балет).
И после представления полны мы впечатленья –
Счастливей нас нигде- нигде на свете нет, на свете нет.

Припев:

И если на премьере студент сидит в партере –
Счастливее его на свете нет, на свете нет.
А если на галёрке (глаза б лишь были зорки!),
Как на высокой горке – всегда на высоте.

Припев:

А если нет билета на драму, в оперетту –
Поверьте: это тоже не беда!
Пешком от Маяковской – поём мы, как Козловский,
И счастливы всегда, всегда, всегда.

Припев:

Скажите, где найдёте,
Куда вы ни придёте,
И где бы ни был в тот момент
Приятель добрый, старый друг – студент.

*Припев: Студенты, студенты второго эМГеМИ,
Поклонники муз и Мельпомены!
И сколько ни пройдет веков –
Студент останется таков,
Его лишь не коснутся перемены.*

Студенческая распределительная

Вот и пронеслись ученья годы
И распределение впереди.
Это хоть и страшно, –
Не дрожи напрасно,
Смело на комиссию иди.
Если хочешь ты в Москве остаться, –
Подыщи скорее жениха.
Но не так-то просто
Окрутить прохвоста –
Тяжела ты, девичья судьба...
Ну, а если мужа не нашла ты –
Ну, а если мужа не нашла ты –
Собери легонький чемодан,
Поклонись декану,
Распрощайся с домом
И бери билет на Магадан
Быстро пробегут изгнания годы _
(Юность похоронена в снегах) –
И старушкой дряхлой
С чемоданом тяжким
Возвратишься ты в Москву в мехах...

Микаелян Саша – Ереван

Наш студенческий гимн

Солнышко старается-сияет,
Спят в воротах каменные львы.
Мы с тобой последний раз шагаем
Улицей родной Москвы.
 Нам шумят приветливо машины,
 Нам блестит в Москве-реке вода,
 Нам сияют окнами витрины,
 Светит нам с Кремля звезда.
Я тебя на лекции узнала,
Ты в аудитории стоял.
Помнишь, возле мраморного зала
«Я люблю», – ты мне сказал.
 А потом вдали от этих зданий,
 Где профессоров и клиник нет
 Былью стало жаркое желанье –
 Свой врачебный кабинет.
И тропой тернистою науки
Смело и уверенно мы шли,
Дав друг другу и сердца и руки,
Дружбу до конца несли.
 Сколько раз за рюмочкой вишнёвки
 Вспоминали каждый и вдвоём
 Где-то там, на Малой Пироговке,
 Хорошо знакомый дом...
Нам теперь давно уже за сорок,
Дети стали выше пап и мам –
Институт по-прежнему нам дорог,
Солнцем юным светит нам.
 И в дни встречи в годы юбилея
 Вновь задорны и чуть-чуть грустны,
 В этих стенах, снова молодея,
 Счастливы, как прежде, мы.
Солнышко старается-сияет,
Спят в воротах каменные львы.
И опять все вместе мы шагаем
Улицей родной Москвы...

2. ЗРЕЛОСТЬ

Я могу

Любая даль волнует нас –
Пространства даль и даль времен:
Столетий отзвук – без прикрас
И будущее – без имен.

Нет лет слепых или несчастных.
Каждый возраст славен своим –
В шестнадцать веришь, что мир огромен,
Что ты для мира и мир для тебя.
Ты бродишь ночами по набережным
И едешь с песней на дальние стройки.
В двадцать пять ты строг к себе
И полон внутренней силы –
Здесь бы и переворачивать пашню,
Строить мосты, открывать звезды,
И люди делают это – каждый свое.

Шостак Инна – Москва

Жизненные основы

Будет ветер – не гнись!
Будет трудно – крепись!
Будет больно – не плачь,
Глаз в ладони не прячь.
Если грозы – иди.
Если слёзы – утри.
Если страшно – держись.
Помни: жизнь – это ЖИЗНЬ!

Возвратившись из дальней дороги,
Проводив за собой поезда,
Иногда подводите итоги,
Исповедуйтесь иногда.
Это надо, чтоб выяснить точно
Всё, что чисто, и всё, что порочно,
Всё, что твердо, и всё, что тревожно,
Всё, что право, и всё, что ничтожно.
Иногда, пребывая в зените,
Справедливо себя оцените,
Объективно и искренно взвесьте,
Отчего вы остались на месте.
Даже если на сердце ожоги,
Даже если вас гложет беда –
Всё равно подводите итоги,
Исповедуйтесь иногда.
Не солгите себе, не польстите,
Только правдой себе отомстите
За потери, победы, года... –
Исповедуйтесь иногда!

Никитина

Полвека пролетели как мгновение
Полвека нашей жизни трудовой,
Полвека забот и волнений,

Полвека несбывшихся снов.
Полвека тревожных закатов,
Полвека бессонных ночей.
Полвека надежд и падений,
Полвека погасших свечей.
Полвека чудесных рассветов,
Полвека прекраснейших дней,
Полвека побед и свершений,
Полвека сверканья очей.
Всё было за эти полвека –
Эмоций любых через край,
И горе, и радость сменяли друг друга,
Вся жизнь – наш ад и наш рай.

Чертулова Вита – Урал

Свершения профессии

Счастлив, кто работает с детьми –
Славным любознательным народом,
Говорливо-беспокойными людьми,
Вечно скачущим весёлым хороводом.
Я их первая встречаю на пути –
Маленьких, беспомощных, вопящих.
Солнце, ради них вовсю свети,
Жизнь, омой их в бурях настоящих.
Люди, помогайте им расти,
Доброте и правде научите.
Рядом с ними в жизненном пути
Души в чистоте вы сохраните.
Каждый, кто общается с детьми,
Не подвержен тленью год за годом.
Рядом с детворою лучше мы,
Выше и смелее в непогоду.
Пусть же не стихает детский смех,
Очищая воздух на планете.
Всюду пусть звенит, всегда, для всех.
Счастье в том, что рядом с нами дети!

Шостак Инна – Москва

Подарить бы вам тысячи звёзд,
Целый мир вам в подарок отдать,
Потому что ваш труд не так прост,
Как в народе привыкли считать.
Капли крови под острой рукой
Не кричат ли в безмолвии: «Жить!!!»
И не может наркозный покой

Равнодушие в сердце вложить.
И никто никогда не вернёт
Вам обратно мгновений лихих,
Если вдруг, утомившись, замрёт
Чьё-то сердце в ладонях твоих.
Но скажите, кому чаще вас
Приходилось в работе своей
Видеть вместо страдальческих глаз
Благодарность спасённых людей?
Кто другой может жизнь подарить,
Когда кажется – кончен уж путь,
Чью-то боль через боль исцелить,
В сердце новые силы вдохнуть?!
Пусть всегда будет точен ваш взгляд,
Будут пальцы нежны и чутки –
И пусть мирные лампы горят,
Когда скальпель коснется руки.

Усачева Нина

Хирургию стихом не прославишь,
Страстью тайною не взвинтишь.
Завихришь волну, закудрявишь,
Ну, а в бурю не превратишь.
Но и всё ж про души смятенья
Очень хочется громко кричать
Про победы, грехи и сомненья –
Не молчать, не молчать, не молчать...
Я при всех говорю: «Ну, с Богом!» –
То девиз моего ремесла.
И ставлю заслоны тревогам
Для тех, кто стоит у стола.
Скальпель ярко сверкнул – и кровавый
Полился струёй ручей.
И вид торжественно-бравый
У всей бригады моей.
Но это лишь вид. Поверьте!
А в душах таится страх.
Ведь тут же борьба со смертью
Почти на равных правах.
По спинам, как в финской бане,
Течёт бесконечный пот.
И голова, как в тумане, –
Вперёд и только вперёд!
Ну, наконец-то победа!
Прорвано смерти кольцо,
И каждому струйка света
Улыбкой красит лицо.
И так без конца и без края,

В крови и в поту за столом –
Самая жизнь людская
Хранит нас и ночью и днём.

Козлов Слава – Череповец

Он – труженик, не ходит он в героях,
Но откровенно я сказать хочу,
Что поклониться надобно порою
Простому участковому врачу.
Простой и добрый, в хлопотах, заботах,
В делах негромких жизнь его течёт.
Бывает резок – отчитал кого-то,
Но скольких вылечил – и вылечит ещё!
Нет у него больных второстепенных,
Нет у него важнее наших дел.
Он постарел, наш доктор, стал степенней
И незаметно как-то поседел.
В невестах ходят Верочки и Люды,
А доктор наш их бабушек лечил.
Пусть редко хвалят их, но всех нужнее людям
Простые участковые врачи!

Кашкина Валя

Открытие мира

Я с жадностью зверя голодного
По нашей планете шагаю.
Земли все причуды, изгибы
Шум моря, гранитные глыбы,
Леса, серость неба холодного
С восторгом в себя я вбираю:
Флоренцию — площадь Синьории,
Ступени афинского храма,
Бальбек, африканские маски,
Базар и мечети Дамаска,
Рим древний — живую историю,
Версаль и химеры Нотр-Дама...

Я мерзла в горах эфиопских,
В Карачи под солнцем сгорала,
Спускалась в Постойную Яму,
Встречала тибетского ламу,
Ползла в пирамиде Хеопса,
На Капри в синь грота вплывала...
Но краше, добрее и ближе
Деревни российской усталой,

Что ладно стоит вдоль дороги
У леса на самом пороге
С церковкой под яркою крышей —
Нигде никогда не встречала.

Шостак Инна — Москва

Россия, громада,
Чего в тебе нет —
Стозвёздное стадо,
Душевность бесед
На лавке у дома
И с другом за чаркой;
Речная истома
Поутру с рыбалкой;
Раздольные краски —
И жалость до слёз,
И вечные сказки
Рябин и берёз.
Равнины улада —
Холмов наважденье,

Лесная прохлада,
Снежинок виденье;
Напевность созвучий
Частушек, хоров;
Косцы у излучин

И храм средь холмов.
Забота-сухота –
Гульба со слезинкой;
Парна́я до пота –
И прорубь со льдинкой;
Преданий богатство –
Мечтаний полёт:

Юродство и братство –
И дёготь, и мёд.
Умельцев дерзанья,
Душевная щедрость,
Сомненья, метанья
И вера, и верность...
А если всё это
Отнять у меня –
Не видеть мне света,
Не жить мне ни дня...

Шостакович Инна – Москва.

3. ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Чувства, цветы, наряды и песни,
Радость познания, смех и мечты
С юностью шаг печатают вместе,
Вместе... А разве не с ними ты?
Разве с годами чувства слабее?
Разве не пахнет так же мороз?
Разве с годами зори тусклее
И для седых нет сказки берез?
С годами многое в жизни ясно,
Много побед и ран позади,
Но разве всё прожитое напрасно?
И разве не ждут нас годы пути?
С годами виденье мира глубже,
Но... трудно без сна проработать ночь;
Утром голос бодрости глуше,
С кожи морщинки не сгонишь прочь...
А стоит ли слушать усталое тело?
Разве этим жив человек?
Только горением, страстностью в деле
Юным будешь длинный свой век.
Страстью в работе – в большом и малом,
Ночью и днём. – Всегда. Во всём.

Шостакович Инна – Москва

Преданность дружбе

Дружба – это ласка или такт?
Чувство или действие мирское?
Дань привычке – неизбежный факт,
Доброе умение людское?

Чувство ль, дело – дружба греет нас,
Веря, не обидит подозреньем,
Скажет прямо правду без прикрас
И не ищет слов для одобренья.
Детство с другом светлостью роднит,
Юность – щедростью души открытой,
И мечтаний пламенных магнит,
Единя, влечёт нас в мир событий.
Кажется кощунством подбирать
Рядом должность, титул или силу –
Только сердце, материнскому под стать,
Чтоб тепло, надёжно с другом было.
Годы мчатся, отмечая нас
Рангами, заботами, стареньем.
Круг друзей, испытанных не раз,
Нас хранит от времени и тленья.
И как жаль, что в зрелые года
Нас друзья надолго покидают.
Как-то тихо в омут бытия,
Улыбаясь грустно, отступают...

Шостак Инна – Москва

Друзья, всё ближе нашей встречи день!
Уверена, что духом мы не стали стариками,
И наша юность, неотступная, как тень,
Весь этот день пробудет вместе с нами.
Нам в молодости было тяжело,
«Финансы» очень часто подводили,
Но нашей дружбе не мешало ничего,
И молодостью счастливы мы были.
По жизни мчит нас времени экспресс,
Одновременно мы в него попали,
Проехали равнину, горы, лес,
И дальше едем мы в неведомые дали.
В дороге мы шутили, ели, пили,
И изучали медицину до глубин,
Полвека мы людей лечили,
Достигнув в этом мастерстве вершин.
На нашей встрече мы увидим – многих нет
На то у каждого из них свои причины,
Одни пришлют сердечный нам привет,
Но этих будет меньше половины.
Превратности судьбы и трудности страны
Сокурсников рассеяли по странам света,
Здоровья пожелаем им, и счастья, и любви,
Иных же помянём по ходу нашего банкета.
Летит по жизни быстрый наш экспресс,
Его никто и никогда не остановит,
Но «мушкетеров» битвы за свободу и прогресс

Потомки наши будут долго помнить.
Сегодня словно снова мы в бою,
Нас бьёт картечь налево и направо,
Но есть и радость: мы ещё в строю,
Ура нам всем, а также честь и слава!

Бабаева Нета – Москва

Нашим любимым матерям

От Апшерона до Берлина
Нелёгко был мой путь в войне.
Но ты в разлуке долгой с сыном –
Ты выстрадала всё вдвойне.
Под бомбами, покинув город,
Скитаясь по тверским лесам,
Ты вынесла все беды гордо,
Как подобает нам!
Они пройдут – войны невзгодья,
Как и всему, придёт им срок.
Но как бы я хотел сегодня
Перенестись к тебе, хоть на часок!
Бегом бежать по лестничным изломам,
Отбить чечётку в ящик у дверей
И, опьяняясь воздухом знакомым,
Перешагнуть порог скорей!
Теперь уж скоро – это ясно,
К победе нашей шаг один,
А значит, были не напрасны
Кавказ, Варшава и Берлин!
Уверен я, когда приеду,
Мир будет в статусе ином
И первый тост наш «За Победу»
Запьем мы праздничным вином!
Припомним всё, что близко, свято,
Всё пережитое в войне,
И как давным-давно когда-то
По комнатам походим в тишине.
Проходим за́ полночь в зелёном полусвете,
Нас встретит утро в шали голубой,
И я скажу тогда, что нет на свете
Дороже праздника, чем быть с тобой!

Крылов Дима – Москва

Ты прости, родная, в этот вечер
Рядышком с тобой я не сижу
И твои натруженные руки
Я в руках с любовью не держу.

Мыслями сегодня я с тобою,
Сердцем я с тобою говорю.
И подарки, что тебя достойны,
Я на целом свете не сыщу...

Солнце, небо, белый снег –
Все чуда я тебе единственной дарю.
Седина моя ещё не старость
До тех пор, пока я не одна,
И в дали далёкой где-то мама,
Для которой я всегда дитя...
Так прости, что в этот зимний вечер

Я с тобою рядом не сижу,
Но слова, так нужные обеим,
я ищу, ищу, ищу, ищу...

Кошелева Иветта – Таллин

4. С ВЫСОТЫ НАШИХ ЛЕТ

Нам хотелось в прошлое вернуться бы.
Времени осталось лишь чуть-чуть...
Первый курс: латынь Бахмутского –
Восемьсот пословиц наизусть.
Зверство Соломона в анатомии
Доводило наших девочек до слёз,
А в учебниках – одна идеология:
Сталин, Ленин – всё это всерьёз.
Помним мы большой разгром генетики,
Торжество идей Ка Пэ Эс Эс,
А в болезнях – проще арифметики:
Виноват лишь только нервный стресс.
В то же время рядом, на Погодинке,
Петр Алексеич – старый букинист –
Выдавал подпольно из-под столика
Надсона, Бальмонта и других.
Конференции, дежурства, операции –
Долго ведь хирурги не живут –
Пишут между делом диссертации,
А себя ничуть не берегут.
Многие не дожили до праздника –
Даже среди наших заводил.
Нет Серёжи Гинсбурга, нет Лакина,
И Володя Климов не дожил...
Пятьдесят мину́ло, как мгновение,
Позади любезный наш лечфак,
Впереди – «неясные видения»...
Добредём до них? Совсем не факт.

Теодор Эпштейн

Помнишь, друг, как с тобой прокрутили
В Метрополе последний вальсок...
Разлетелись, как листья по полю,
Как позвали – явились в срок.
К Alma mater сегодня спешим,

Позабыв, что уж возраст не тот,
Чтобы встретится с Нею и с Ним
Промелькнули не день и не год...
День сегодня особый такой,
Он зовется в быту «золотым»,
Встреча с милым потоком весной
Нас волнует, как яблони дым.
В этом доме прошла наша юность.
Здесь ты, может, любовь повстречал,
Сохранил ей единственной верность,
А «люблю» до сих пор не сказал...
Вальсók не все сумеют прокрутить –
У тех – спина, у тех – нога,
А так хотелось бы крутнуть,
Коль на кивок ты скажешь «да»...
Ведущий, подводя итог,
Раскроет юбилейный труд потока –
Трудились честно, кто как мог,
С научного и практического (так скажем) бока.
Alma mater может гордиться
Потоком, пришедшим после войны.
По примеру дедов будут внуки учиться
Честно лечить людей страны.
Профессоров было разных много –
Это лучшие силы страны.
Об отдельных вспомним немного –
О них говорят на пóлках труды.
Терновский вспахивал анатомическую ниву,
О генах Бляхер вёл тихую речь...
Нам лекции открывали познания силу
Коль опоздал на лекцию – молчи и не перечь.
Дорогие ассистенты, и вас было много, –
В коротком стихе всех не перечесть....
Преподавали предмет свой, как родному,
За знанья вам – благодарность и честь.
Знанья, что Alma mater нам дала
Мы углубляли, как могли.
В них – научные, врачебные дела.
Всегда честь вуза берегли.
Средь нас уж нет многих друзей,
Но мы помним дела их и лица.
Каждый шёл дорогой своей.
Жаль, со многими пришлось проститься...

Но сегодня мне не хочется грустить,
Хочется мечтать, надеяться и верить,
Что вальсók сумею прокрутить
И друзей любимых снова встретить.

Матвеев Валентин

Бьёт меня старческий кашель,
Ломит колени и спину,
Всё же компании нашей
Стих к юбилею подкину...
Нам с поколениями новыми
Не потягаться теперь,
Стали вдовцами и вдовами,
Много случилось теперь...
Все мы, друзья, восьмигранники –
Восемь декад позади,
Но не дадимся мы панике,
Сердце стучится в груди.
Мысль зародилась затейная –
Праздновать наш юбилей,
Удаль взвилась юбилейная –
Хочется видеть друзей.
Даже далеким изгнанникам
Видится наш Институт;
Встречи заманчивым пряником
Сколько из нас соберут?
Станут на день все «ребятами»,
Хоть через силу дошли.
И потанцуют с «девчатами»,
К стенке свалив костыли.
Рюмку приподняв «столичной»,
Прикажут руке не дрожать;
Звонким смехом девичьим
Будут старушки визжать.
Что впереди нам светится
Лучше об этом молчать...
А всё же неплохо бы встретиться
Снова лет через пять...

Голяховский Владимир- Америка

Всё шире круг друзей ушедших
И уже круг живущих нас.
Кто с ними начинали вместе
И чей еще не пробил час.

Парицкая-Гладкова Люба – Красноярск

Теперь уже всем ясно стало,
Что вами сделано немало.
Так пусть и дальше Бог не прочь
Вам во всех делах помочь

Зуев Виктор – Москва

Мы не ценим Сегодняшний миг,
Вечно ждём «Счастливого» завтра,
И поэтому, жизнь пропустив,
Вспоминаем потом о ней «сладко».
Вспоминаем молодые года,
Вспоминаем родителей милых,
Вспоминаем улыбки любимых,
Вспоминаем, как бились сердца,
Когда ждали минуты свиданья,
Вспоминаем мы солнца восход,
Радость встречи с наставшим утром
И желаний полны – всё кипело в крови,
Планы строили мы и мечтали о счастье...
Но моргнуть не успев, уже пышный закат
Пред глазами горит, сединою глава уж покрыта,
Да согнулась спина, но душа молода
И желаний полна, и не сломлена воля пока.

Дубровский

С годами познаёшь значение простых вещей –
Не брызг острот и развлечений, а запах щей.
Не муки ревности, гордыни, а соль труда.
И что ворчишь ты и поныне – то ерунда.

А главное, что четверть века ты люб и мил,
Растут два рядом человека в расцвете сил.
Мы сквозь все жизненные драмы прошли с тобой,
И всё-таки опять упрямо готовы в бой.

И пусть с годами жизнь сложнее и уже круг –
Я знаю, все преодолеем, коль рядом друг

Любовной лирики не жди
От бабушки на склоне лет.
В глазах и за окном дожди,
Одышка мучит; сил уж нет...
Но лиц девичьих хоровод,
Кокетство, смех их, озорство,
Хоть прибавляют мне забот, –
Души ласкают естество.
Стук дятла, сена аромат,
Калины пламя, шум реки
Меня зовут, меня бодрят
Годам и болям вопреки.
А слово доброе друзей,

Их память и руки тепло
Хранят меня от тленья дней;
Надежно с ними и светло.

Душа всю гамму чувств хранит.
Она всего лишь знака ждёт:
Коснись – и песней зазвенит,
Дотронься – птицей запоёт

Шостакович – Москва

Хирург, охотник, птицелов,
 Поэт, прозаик, рыболов;
 Почти что оперный певец;
 И старикашка, наконец.
 И коли бабки подбивать,
 Пожалуй, есть, о чём сказать:
 Есть люди, коим жизнь дарил
 Или достаточно продлил.
 Ну, а бывает, и поёшь,
 Хоть высоко не заберёшь.
 «А вот охотиться – уж стар» –
 Так мой любимый лес сказал.
 Я не могу весёлым быть.
 Гнетёт меня хандра.
 Я не могу людей лечить,
 Прошла уж та пора...
 Тащу свой крест. Спина болит
 И ноги не идут...
 Но кто-то громко говорит:
 «Нет, не снимай хомут».
 Коль снимешь – сразу пропадёшь.
 Безделье – финиш твой!
 А коли до него дойдёшь –
 В гробу одной ногой.

Козлов Слава – Череповец

Как беспощадно время к нам.
 Оно уносит гибкость стана,
 Уменье бегать по полям,
 Петь и смеяться непрестанно.
 Оно лишает новизны
 И остроты всех ощущений,
 Боязни бога-сатаны,
 Категоричности суждений.
 Оно уносит легкость пор
 И возвращает нам морщины
 Сужает жизненный простор,
 Грусть навеивает в именины.
 Не в силах время лишь отнять
 Любви уменье огневое,
 Когда болит, мешает спать,
 Горит, ждет встречи ретивое.

С годами хуже видим мы,
 Труднее дружбу вновь заводим;
 Воюем против седины
 И полноту диеты сводим.
 Но часто на закате лет
 С инфарктной силою нещадной,
 Радикулитных злее бед
 Любовь нас скрутит беспощадно.
 Грозою огненной она
 Промчится, душу очищая.
 Как извержение, как война,
 Шестнадцать лет, подснежник мая.
 Она всё злое унесет,
 Всё лучшее в душе разбудит.
 И пусть замрёт, и пусть пройдёт,
 Светить и греть нас долго будет.

Шостак Инна – Москва

Ты где-то в юности остался
 И молодым живёшь сейчас,
 Не раздобрел и не сломался,
 Не побелел и не погас.
 Ты всё смущаешься в сторонке,
 Боишься сердцем закричать,

А жизнь течёт волною звонкой –
Тебе тех волн не удержать...
Улыбка добрая и взгляды,
Молчанья святость – это ты,
Со мною близко и не рядом, –
В том дивном царстве, где мечты...
Ты где-то в юности остался –
Я удаляюсь от неё.
Всё это сказка, может стать,
Но жить мне трудно без неё...

Шостак Инна – Москва

Замкнулся круг, начертанный судьбой.
Мы снова вместе в том же зале,
Где тот же мрамор голубой –
Свидетель радости, порывов и печали...
Я помню: здесь мы встретились с тобой,
Как радостно глаза твои сияли –
В них отражался мрамор голубой,
Но нужных слов тогда мы не сказали...
Полвека минуло с тех пор,
Стареет тихо сизый мрамор,
А я всё жду, ищу тот взор,
Тот дивный миг сердечной драмы...
Вся жизнь, как сон, как трудный бой,
Где не подсчитаны ещё итоги,
Но этот миг пройдёт со мной
Последний дюйм моей дороги.

Крылов Дима – Москва

Гимн ушедшим любимым

Один я на даче. Спокойно и тихо.
Деревья обрезал, траву покосил.
Смородины много и есть облепиха.
Но нет лишь того, для кого всё растил.
Она не приехала нынче на дачу
И вряд ли теперь уж приедет сюда.
И вот я сижу, потихонечку плачу
И все вспоминаю былые года.
Когда на двоих мы делили невзгоды
И радости тоже – всегда пополам.
И долгие, долгие, долгие годы
Жить дружно в семье удавалось нам.
А это, поверьте, не так уж и просто.
Спросите у множества разных семей.
То влезет в семью молодая короста,

То старый знакомый — зелёный наш
змея.
Сначала мы с нею детей народили,
Работали в меру родительских сил.
Потом и машину, и дачу купили.
Но вот уж критичный момент наступил.
По жизни, конечно, не всё было просто.
Старались, трудились, а годы летят.
И вот уже скоро нам по девяносто,
А вместе живём мы почти шестьдесят.
И вот я один. Шевелюсь еще малость.
Варенье варю и машину веду.
ОНА не одна там, конечно, осталась,
Но дети не близко, на нашу беду.
Кончается жизнь, что бежала, скакала,

Текла и шумела бурливой рекой.
Теперь уж потише характером стала.
Хромает, плетётся. Пора на покой.
Пожили немало. Покой нам не страшен.
Учились, трудились и честными были.
Надеемся, внуки и правнуки наши

Продолжат традиции нашей фамилии.
Мелькнули две жизни на нашей планете,
Зажглись и погаснут согласно с законом.
Останутся в мире дела их и дети,
Да добрая память родных и знакомых

Величко Андрей- Москва

Давно уже не брал я в руки
Своё заветное перо.
И вот такие стихоштыки
Я не писал уже давно.

А почему? Коль знать хотите,
Могу я дать на то ответ.
Но за писанье не взыщите -
Перо лежало столько лет!

Когда поэта вдохновенье
Внезапно с музой посетят,
Поэт с пером без промедленья
Стихи прекрасные строчат.

Но если даже вдохновенье
Поэта вдруг не посетит,
Трудом, умением и терпением
Стихи он все же сотворит.

Но то поэт! А у меня
Поэта нет уменя.
И ожидаю долго я
Лишь только вдохновенья.

Увы, последнее меня
Не часто посещает.
И даже редко приходя,
Внезапно исчезает.

А почему? Даю ответ
Тотчас, без промедленья.
Любовь. Вот в этом весь секрет.
В любви все вдохновенье.

Любовь чарует, сердце жжет,
Щекочет и ласкает.
И жизни медленный полет
Чудесно ускоряет.

Любовь - полет, любовь - мечты,
Тревоги и волненья.
И не избежнешь тут уж ты
Поэта вдохновенья.

А коли так, то вмиг берешь
Чудесное перо ты
И с ним и плачешь, и поешь,
И пишешь стихоплеты.

Но то в любви все, а меня
Любовь не посещает,
Хоть время, бешено звеня,
В пространстве пролетает.

И жизнь сейчас подобна тленью.
Не видишь, сколько ни живи,
Ни божества, ни вдохновенья,
Ни слез, ни горя, ни любви.

Величко Андрей — Москва

И пусть теперь от боли резкой
Сожмётся сердце иногда.
Мы так же молоды и дерзки,
Как в те нелёгкие года.

Тимофеева

Воспоминания о детстве

О, годы жизни быстротечной,
Как незаметно вы прошли...
Казалось, что тянулись вечно,
А вот исчезли уж вдали...
Но сердце продолжает биться,
Душа, как в юности, жива
И руки рады бы трудиться,
Увы! Подводит голова.
Всё чаще забываться стало
Всё то, что было лишь вчера,
Но помню, правда, я немало,
Что уж забыть давно пора.

Как в детстве босиком по лужам
Счастливые бежали мы,
Детишки, чьи отцы служили,
Ещё не ведая войны...
Как радостно звучали марши
Из репродукторов весной.
Как после игр нам не хотелось
На мамин зов бежать домой.
Как мама плакала от горя,
Узнав, что грянула война...
И как мы сразу повзрослели,
Едва коснулась нас она...

*Парицкая-Гладкова Люба –
Красноярск*

Воспоминания молодости

Счастливый век – несчастный век –
Каков тебе он, человек?
Года и страсти пережив,
Что понял ты – и чем ты жив?
Земля в цвету, земля в снегах,
И нежность теплого дождя.
Восторг, надежды, поиск, страх
И детский смех, как зов вождя.
Всё это было так давно.
Угасло и легло на дно.
Но если вдруг сквозь толщу туч

В лицо прольётся тёплый луч,
Или среди ненастий дня
Коснёшься нежно ты меня –
Былое хлынет из глубин
И губы задрожат опять,
Как будто нет моих седин
И время повернуло вспять.
И мир души – бескрайний мир –
Опять справляет пышный пир.

Шостак Инна – Москва

Мои друзья, мои коллегии,
Как жажду встречи с вами я
И представляю: в старых стенах
Мне юность встретится моя.
Всё просто у меня, все звали Мила,
Фамилия осталась та ж:
И жизнь текла, и всплески были –
Вот весь почти мой репортаж.
Свой институт люблю до боли.
Пришла туда случайно я,
Но проучившись год иль боле,
Я поняла, что жизнь моя
Должна быть только в медицине.
Итак, я жизнь ей отдала.
Работала всегда на совесть,
Хоть рядовою я была.
Пойти в науку не успела
(растила я детей своих),
И что смогла и что сумела –
Всему я научила их.
Шесть лет в прекрасной Альма-Матер
Прошли, как сладкий, чудный сон...
Всё было здорово, ребята,
И мне порою снится он.
И просыпаюсь я моложе,
Мир представляется другим,
И жизнь становится дороже,
Всё кажется мне дорогим.
Ну что ж, друзья, за нашу встречу,
За мир, за то, что мы живём
Поднимем кубки в этот вечер
И дружно здравницу споем!

Мила Кох – Филадельфия

И нисколько мы с тобой не постарели –
Только головы немного побелели,
Только шаг чуть-чуть короче стал,
Да спина вперёд клонится...
Мы поле жизни перешли, друзья!
Мы вместе столько лет живём не зря.
Учились вместе, работали на совесть
И спорили с судьбой.
И щедро теплоту души друзьям дарили...
Мы начинали жизнь свою с нуля.
Нам было и совсем легко и трудно –
Бедой и счастьем жизнь была полна...
Но и сегодня вы, мои коллеги,
Как в молодости, так же хороши
И лица ваши внешним ветром дышат.
А что на них - морщинки – не беда!
Ведь это книгу жизни пишут
Уверенно идущие года.
Её листая и читая,
Я вижу как любовь сроднила нас,
А мелочь ссор – лишь суета пустая.
Не стоит их и вспоминать сейчас.
И если б молодость вернулась снова
И, если б юность повторилась вдруг, –
Из всех ребят (готова я дать слово)
Одних бы вас я выбрала в друзья опять.

Гехт Фира, Южная Калифорния

В волшебном вальсе больше не кружить
И не согреть души в цыганской пляске,
Раздольному веселию не быть,
Жизнь замерла, осталась в прошлой сказке.
Холодный белый снег на землю пал,
Запорошил меня, добавил грусти...
Мела метель, но свет Звезды мерцал...
Придет Весна-Красна – печаль отпустит.

Мальшева Маша – Москва

Почему так сердце болит
Тупой навязчивой болью?
Не унять её, не залить.
Как мириться с такою долей?
Я люблю стремительный бег
По паркету, полям, асфальту.

Только я начинаю разбег –
Сердце низко гудит контраalto.
Я люблю сидеть допоздна
Над работою, с книгой, с друзьями,
Всё изведать, испытать до дна –
Сердце против; звенит слезами.

Я люблю тюльпаны в горах
И пещерные лазы крутые.
Ныне сердца сжимающий страх
Усмиряет порывы лихие.
Поколение мое, война
Нас коснулась огнём палящим,
Захлестнула детство волна
Напряженья тех лет разящих.
С малолетства выросли мы
И гордились рабочей жилой.
В общем ритме борца-страны
Настоящую жизнью мы жили.
Сквозь лишения к щедрости шли,
Горе общее чуткость рождало;

В песне мы чистоту берегли,
В дружбе – звонкую ясность металла.
А теперь мы теряем друзей:
Раньше срока сердца изменяют.
Но мы счастливы долей своей –
Молодые пусть это знают.
Мы себя не жалеем, нет.
До сих пор мы не ищем покоя.
И несет в сердце юности свет
Поколение мое родное.

Шостакович Инна – Москва

Усталость свинцовою ношей
На веки неслышно ложится
И серой мохнатой птицей
Кружится-кружится-кружится...
Заполнила серостью землю,
До неба крыла простирает
И мутною тусклою нудью
Меня, как дитя, пеленает.
Истаяли краски и звуки
И острое чувство движенья.
Исчезли тоска и восторги
И трепетность прикосновенья.
Желанья уходят из жизни;
Теряются связи людские.
Тупое упрямство работы –
Последние нити мирские.

Но нет, не хочу этой смерти
И жизнь не нужна мне без света,
Без мук, ожиданий, надежды,
Пронзительных чувств без ответа.
Лети, ненасытная птица,
Ищи себе жертву иную,
А я отряхнусь и воскресну
И землю опять поцелую.
Пройдусь босиком по траве я,
Поглажу у вербы серёжки,
Омоюсь водой леденящей
И снова пройду по дорожке.
И буду приветствовать солнце
И щавеля кислую сладость,
И ждать твоего пробужденья –
И жизни испытывать радость

Шостакович Инна – Москва

Пенсионная жизнь хороша!
Ты свободен, ты вольный казак.
Только с возрастом этим душа
Примириться не хочет никак.
Взять бы сбросить лет двадцать к чертям,
Руки жизни навстречу раскрыть,
Помечтать, побывать тут и там,
Позабывших друзей навестить...
Еще манит стук мерный колес,
Еще поезд в дорогу зовёт
И порою боль сладкая слез
Мягкой грустью по сердцу пройдёт.
Страстной жаждою жизни горю,

От нагрузок свободна душа
И, ничуть не кривя, говорю:
Пенсионная жизнь хороша!

Нашим детям и внукам

Течение воды бесконечно,
А время землян быстротечно.
Душа же бессмертна? – Конечно!
Любовь материнская – вечна!!!

Милый мой детёныш,
Ты всё спишь и спишь,
Розовый глупёныш.
Словно в сказке ты
Выросла неслышно,
Как в лесу цветы –
Ласково, не пышно,
Притомившись, спишь
Тихими часами,
Еле шевелишь
Детскими губами.
Сколько долгих лет
Ты со мною рядом,
Сколько зим и лет
Согреваешь взглядом.
На пороге вех,
В жажде узнаванья

Ты – порыв и смех,
Страсть и обаянье.

Чем ты станешь, дочь,
В скором «недалёко»?
Сможешь превозмочь?
Залетишь высоко?
Ты в любой судьбе
Заслужи признание,
Сохрани в себе
Страсть и обаянье.
Юности черты –
Чувств накал и мысли,
Солнце доброты –
Пронеси по жизни!

Шостак Инна – Москва

Анютины глазки лукавы, красивы –
Цветы голубые, синь неба России –
И рожь золотая и Солнышка лучик
Рассеяли свет свой на локоны внучки.
Так любит Россия тебя, дорогая,
И ждёт терпеливо, тихонько вздыхая...
Дала тебе крылья, чтоб ты полетала
И корни дала, чтобы Родину знала.

Мальшева Маша – Москва

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО НА СЛУЖБЕ ВОСПОМИНАНИЙ

Привет Вахтангу!

Долгожданные встречи

Юморные плакаты

Общий стол и тосты

Песни и танцы

СОДЕРЖАНИЕ

I НАШ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ КУРС 1947-1953 г	1
Наши сокурсники, пришедшие после войны.	3
Судьбы, повторяющие историю страны	4
Каждая жизнь – событие вселенского масштаба	5
Кто как пришел в медицину	7
Врачебные династии	9
Юность нашего военно-послевоенного поколения	10
Наши прекрасные семейные пары	11
Тенденция «быть передовым»	12
Наши академики	13
Наши достижения в деле практического врачевания	14
Награды наших сокурсников	15
В чем смысл жизни?	16
Вопрос о вере	16
Наша благодарность учителям и наставникам	17
Самоотверженные учителя – наши матери	17
Любимые пословицы и выражения	18
Кто ты по своему социальному статусу	19
Осознании главного в жизни	20
Мы формируем свои жизненные девизы	20
Студенческое братство и волшебство любви!	21
II НАШ ВДОХНОВИТЕЛЬ И ДРУГ ВАХТАНГ НЕМСАДЗЕ	25
Студенческие друзья Вахтанга	27
Памяти Вахтанга Немсадзе	31

Песенное поурри (адресовано Вахтангу Немсадзе)	32
III НАШЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ МИРА	35
1. ЮНОСТЬ	35
Юность, опаленная войной	35
Мироощущение	37
Любовь	39
Жажда знаний	41
Студенческий задор	42
Студенческие вечера	43
Театральные страсти	44
Студенческая распределительная	45
Наш студенческий гимн	46
2. ЗРЕЛОСТЬ	46
Я могу	46
Жизненные основы	47
Свершения профессии	48
Открытие мира	50
3. ПАМЯТЬ СЕРДЦА	51
Преданность дружбе	51
Нашим любимым матерям	53
4. С ВЫСОТЫ НАШИХ ЛЕТ	54
Гимн ушедшим любимым	59
Воспоминания о детстве	61
Воспоминания молодости	62

Нашим детям и внукам	65
IV ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО ИСКУССТВО НА СЛУЖБЕ ВОСПОМИНАНИЙ	66
Привет Вахтангу!	66
Долгожданные встречи	66
Юморные плакаты	71
Общий стол и тосты	75
Песни и танцы	77
СОДЕЖАНИЕ	79

Инициатор и исполнитель *Инна Сергеевна Цыбульская (Шостак)*

Контакты: iscyb@mail.ru

Спасибо за помощь моим дочерям

Цыбульской Марии и Канаевой Елене

И внучке *Канаевой Асе*